

INSPIRIA

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

ПОЭЗИЯ

ЗЛА

ОНА МОЖЕТ НЕ ТОЛЬКО ВОЗВЫШАТЬ...

ЛАЙЗА РЕНИ ДЖОНС

INSPIRIA

Ток. Внутри убийцы. Триллеры о психологах-профайлерах

Лайза Рени Джонс

Поэзия зла

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

Джонс Л.

Поэзия зла / Л. Джонс — «Эксмо», 2021 — (Ток. Внутри убийцы. Триллеры о психологах-профайлерах)

ISBN 978-5-04-184558-2

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES. Психологический триллер с особой зачаровывающей эстетикой. Серийный убийца не столько отвратителен, сколько противоестественно изыскан и прекрасен. Кто-то называет его мужем или отцом. Кто-то называет его другом или коллегой. Но единственное имя, имеющее для него значение – Поэт... «УБИЙЦА С ТАЙНЫМ ПЛАНОМ». В Остине, штат Техас, действует серийный убийца – единственный в своем роде. Все его жертвы – люди, так или иначе оскорбившие поэзию. Он умерщвляет их цианидом, а в рот вкладывает листок со стихотворными строками. Больше – никаких следов. И еще: похоже, Поэт проявляет особый интерес к одной женщине. И она... «ДЕТЕКТИВ С ТЕМНОЙ ТАЙНОЙ». Саманта Джаз – лучший профайлер полицейского управления Остина, прирожденный сыщик. Она чувствует зло в людях – и никогда не ошибается. Кроме одного раза – когда не почувствовала его в своем отце, и это чуть не сломало ей карьеру... «ПОЭЗИЯ СО СМЕРТЕЛЬНЫМИ РИФМАМИ». Это дело грозит стать ее первой неудачей. Оно сплетено из сравнений и метафор, не дающих ответы ни на один ее вопрос; лишь, как дописанные строфы, множатся мертвые тела. Но Саманта чувствует, что постепенно приближается к Поэту. А еще – что он так же неумолимо приближается к ней...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-184558-2

© Джонс Л., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	7
Глава 1	12
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	27
Глава 8	29
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	33
Глава 12	34
Глава 13	36
Глава 14	39
Глава 15	40
Глава 16	41
Глава 17	43
Глава 18	45
Глава 19	47
Глава 20	48
Глава 21	49
Глава 22	52
Глава 23	54
Глава 24	57
Глава 25	59
Глава 26	60
Глава 27	62
Глава 28	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Лайза Рени Джонс

Поэзия зла

Lisa Renee Jones

THE POET

The Poet Copyright © 2021 by Lisa Renee Jones. All rights reserved.

© Шабрин А.С., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2023

Пролог

1996

ДЖОРДЖТАУН, ШТАТ ТЕХАС

Тук, тук. Тук, тук...

Я резко перевожу взгляд с симпатичной девчонки в углу (она у нас новенькая, сегодня первый день) на переднюю часть класса, где, сведя остренькое лицо в брюзгливую гримасу, постукивает по столу указкой сестра Мэрион. Злится и брюзжит она почти так же часто, как мой отец.

– Ну, хватит тараторить, – выговаривает она чеканным голосом. – Развели тут птичий базар... Мы здесь не за этим, а затем, чтобы воздавать должное нашему Господу, используя для этого свои умы по полной. Ну-ка, как нужно использовать свои умы, а? Вопрос ко всем!

– По полной, сестра Мэрион! – торопливым нестройным хором отвечает класс.

– Вот так-то. – Она милостиво кивает. – Чего ни в коем случае не достигь, если не проявлять внимательности. А какая уж тут внимательность, когда ваши рты несут что попало... Говорить же нужно взвешенно, продуманно и дисциплинированно.

Она усаживается за свой просторный деревянный стол, укладывая указку сверху. Уфф... Как я ее ненавижу, эту указку.

– Итак, – возглашает сестра Мэрион, – сегодня мы приступаем к разделу поэзии.

Она открывает хрестоматию и затягивает что-то рифмованно-заунывное. Скукотища. Бее... Непонятны даже слова, что пузырятся у нее на губах.

Беки у меня тяжелеют, трепеща от вязкого зова дремоты. Я борюсь с ней, как могу, но подбородок все равно не слушается и никнет, вместе с головой обвисая на грудь. Приходится подпирать щеку рукой. О нет! От толчка адреналина я встряхиваюсь и вскидываю голову. Сердце мечется в страхе, что меня подловили. Но сестра Мэрион смотрит не на меня, а в книгу, декламируя очередную нудятину. На меня накатывает облегчение; при этом я отчаянно пытаюсь оставаться начеку и делаю единственное, что наверняка удержит меня от засыпания.

Мой взгляд исподтишка вновь скользит по симпатяшке с веснушчатым личиком, обрамленным рыжими кудряшками. Я хмурюсь. По виду она заметно старше любого из нас. Лет, наверное, двенадцать или тринадцать, когда нам здесь всем по десять-одиннадцать. Что ее, интересно, сюда занесло? Неужели второгодница? А ее папаша такой же злюка, как мой, и суется в успеваемость, тоже вроде моего?

– Генри Оливер!

Мое имя! А следом «тук» указкой по моему столу.

Я чуть не вскакиваю. Сердце во мне тоже скачет, примерно как от отцова крика, когда он реально заводится. Сдавливая дыхание, поднимаю глаза и вижу над собой нашу классную.

– Сестра Мэрион?

– Отрадно, что ты хотя бы в этом году заучил мое имя, – с ноткой ехидства говорит она.

Класс взрывается смехом, а мне глаза щиплют слезы смущения. Но плакать нельзя. Отец у меня говорит, что плач – это для сосунков. За что их и лупят.

– Ну хватит! – бросает сестра Мэрион, и все мгновенно поджимают хвосты. Теперь в классе тишина, но все смотрят на меня, включая нашу классную. – Мы здесь не затем, чтобы пялиться на хорошеньких девочек, Генри, – выговаривает мне она. – Да-да, я видела, как ты засматривался на нашу новенькую.

Меня продирает колющий стыд. О боже, только не это! Господи, господи, пронеси... Зачем ты так со мной... Ужас как тянет рвануть с места и выбежать прочь из класса.

– Мы здесь не за этим, – еще раз повторяет классная. – А затем, чтобы чтить своими мыслями Господа. Вы со мной согласны, молодой человек?

– Да, сестра Мэрион, – я торопливо киваю.

– Ну так заставьте же вашего Отца Нашего гордиться вами, – говорит она повелительно. –

Чтение стихов сегодня мы начнем с вас. Прошу.

Меня обдаёт ознобом. Только не это...

– Вы хотите говорить с моим отцом, сестра Мэрион?

– Я имею в виду Отца Нашего, Иисуса Христа. С ним вы сейчас и будете разговаривать.

Прошу за мной.

Повернувшись на своих «лодочках», она шагает через класс и усаживается за свой стол.

– Ну?

Все взгляды устремлены на меня, а я, чтоб не уронить очки, подпихиваю их пальцем на переносицу. При этом рука по-глупому дрожит, и это, наверное, заметно ребятам из класса. Конечно, заметно. Все за мной наблюдают, ожидая, чтобы снова посмеяться надо мной. На ослабевших ватных ногах я встаю – выбора-то нет, – впиваясь изнутри ногтями в потные сжатые кулаки.

Два шага вперед. Три. Все хорошо, не дрейфь. Четыре. Я наступаю на волочащийся шнурок своего ботинка и неудержимо грохаюсь о бетонный пол голыми коленками. Класс снова взрывается смехом, а мне кажется, будто я ухожу в песчаную зыбь, как недавно в каком-то фильме. Вот бы здорово, ну просто реально, и прямо сейчас... Я выпрямляюсь, а перед глазами плавают круги; комната то появляется, то исчезает. Краем уха я слышу, как о стол сестры Мэрион непреклонно стучит указка. Каждый мой шаг – тяжелое шарканье, словно я бреду по речке возле моего дома (оно бывает, когда отец приходит домой поддатый и начинает орать).

Я уже почти дошел, когда терпение у сестры Мэрион лопається, примерно как у моего отца.

– Ну же! – Она хватается меня за руку и властно дергает, разворачивая перед классом. Суёт мне в руки хрестоматию и командует:

– Читай! Все по порядку: название, имя автора...

Я чувствую, что мучительно краснею. Щеки рдеют, раздуваются, что твои яблоки: верный признак смущения. Затем иду пятнами, краснота расползается по шее; вид глупее некуда. Надо с этим покончить – ну-ка давай, не красней!

Я прокашливаюсь и звонко объявляю:

– «Мечты»! Автор Лэнгстон Хьюз¹.

При этом оглядываюсь на сестру Мэрион: не брякнул ли чего невпопад. Но та одобрительно кивает.

Кто-то хихикает, а какой-то вредина на задах класса орет:

– Жиртрест в форму не влазит! Сейчас обделается!

– Ничего я не обделаюсь! – кричу я в ответ. – А не влажу, потому что у мамы с отцом на новую пока денег нет.

– А ну тихо! – Сестра Мэрион грозно потрясает указкой. – Я там сейчас кому-то устрою! Еще слово, и кто-то у меня будет писать «Отче наш» раз двадцать после уроков! Продолжай, – кивает она мне.

Я втягиваю воздух и выдавливаю его наружу, заклиная себя не плакать. «Я не толстый. Не толстый». И снова смотрю в книгу, готовый на все, лишь бы поскорее сесть обратно. Читать я начинаю медленно, шаг за шагом, чтобы не ляпнуть что-нибудь не то:

Держись мечты —
Ведь если грезы починут,

---

¹ Джеймс Мерсер Лэнгстон Хьюз (1902–1967) – американский поэт, прозаик, драматург и колумнист; известен как один из ведущих и влиятельных писателей культурного «Гарлемского ренессанса» и первооткрыватель «джазовой поэзии».

Жизнь боле не полет,
И дни ко дну гнетут.
Держись мечты —
Ведь если грезы схлынут...

Дальше у меня не выходит. Слова кажутся непомерно громоздкими, и я на этом стопо-рюсь.

– Молодец, – неожиданно хвалит сестра Мэрион и хлопает в ладоши. Я выдыхаю в облегчении. Она даже не заметила, что стихотворение я прочел не полностью. – А почему это класс не хлопает вместе со мной?

Все хлопают, кроме той рыженькой и того острослова. Что-то я его не знаю – видно, тоже новенький.

Сестра забирает хрестоматию.

– Ступай на место, – велит она.

К своему месту я не прочь и бежать бегом, но боюсь снова запнуться. А потому иду шагом – очень осторожным и осмотрительным, а на свою скамейку усаживаюсь под хихиканье у себя за спиной. Сердце стучит где-то в ушах, ладони снова взмокли. После уроков меня ждет трепка, как две недели назад, когда этот гад Николас отжал у меня обед. Отец тогда чуть с ума не сошел... Называл меня «пелоткой». Наверное, что-то неприличное, потому что мама на него нарычала, чтобы он меня так не называл.

Сестра Мэрион приступает к еще одному стихотворению, а я в это время планирую свой побег после урока. За минуту до звонка моя рука придвигает рюкзак, а когда, наконец, раздастся звонок, я начинаю действовать: бросаюсь к двери, чтобы побыстрее отсюда убратся – и напрямик домой. Хоть бы отец не сосал нынче свое пиво. Как я его в эти минуты ненавижу! Сквозь скопище своих сверстников проталкиваюсь к выходу, игнорируя гневные надписи в вестибюле: «ХОДИТЬ, НЕ БЕГАТЬ!»

Вырвавшись из школы, припускаю во всю прыть, поминутно оглядываясь. К тому моменту, как добегаю до большого дерева за детской площадкой, я уже задыхаюсь и хриплю. Здесь скидываю свой рюкзак с книгами и облегченно усаживаюсь под дерево. Ну что ж, получилось. Сегодня я не *пелотка*.

– Ку-ку!

Я растерянно моргаю: надо мной стоит Николас, а из-за дерева выходят еще пятеро. Перехватывает дыхание: Николас толкает меня ногой в грудь и выбивает из груди весь воздух. Я хриплю.

– Генри сегодня чуть не обделался. Навалил в штаны, штаники полны...

Пятеро его прилипал начинают нараспев: «Навалил в штаны-ы, штаники полны-ы...»

– А ну почитай нам стишки, – кривится усмешкой Николас, вынимая какую-то книгу. – Я тут прихватил книженцию сестры Мэрион. – Он открывает хрестоматию и запихивает мне в руки: – На, читай.

По щекам у меня струятся слезы (этого еще не хватало).

– Я... я... не могу, – слезливо выговариваю я.

– Можешь, можешь, – усмехается Николас и, отдернув меня от дерева, валит на спину. Затем садится мне на грудь, держит перед собой книгу и что-то там читает.

– Теперь ты, – говорит он, притискивая ее к моему лицу.

Я силюсь втянуть воздух, но его нет. Начинаю снизу давить на книгу и Николаса. Внезапно он исчезает. Я кое-как опираюсь на руки – и вижу, как Николаса лупасит тот новенький. Теперь на спине уже Николас, а новенький оседлал его и осыпает ударами. Смотреть на это я не могу и, вскочив, кидаюсь наутек.

* * *

– Томас Уитакер! Кевин пришел! Пора в школу.

На мамин крик я хватаю сумку с книгами и бегу вниз. Но у двери меня останавливает еще один ее окрик:

– А ну-ка стой, спринтер!

– Ну мама, – протестую я, нехотя оборачиваясь к ней.

Она вытирает руки о фартук и наклоняется, указывая на свою щеку. Я ее целую, и она говорит:

– Ну вот, совсем другое дело. Будь внимательным и молодцом.

– Ладно, – мычу я, и она жестом открывает мне путь к свободе.

Не давая ей удумать что-то еще, я бросаюсь к двери и выбегаю на крыльцо, где внизу у ступеней стоит Кевин, уминая пончик с глазурью. В стремлении оттяпать хоть половинку вкусняшки я коршуном ныряю к нему. Но он со смехом запикивает в рот последний кусочек.

С напускной обидой я смотрю, как Кевин облизывает пальцы.

– Папа завтрак сготовил, – поясняет он. – В смысле, сгонял за пончиками. Люблю, когда мама на работу спозаранку уезжает.

– Козлина, – упрекаю я.

– Да на, – он протягивает пакет с еще одним.

– Значит, не козлина, – исправляюсь я, вскидывая сумку на плечо и принимая дар под отзвуки далеких сирен. – Спасибо.

Мы неспешно идем; сирены между тем становятся громче.

– Интересно, чего это там, – недоумевает Кевин, оглядываясь через плечо, а затем снова на меня. – Наверное, старикан Майклс из магазинчика на углу опять дубасит жену.

– Или собаку, – высказываю я предположение. – Я слышал, он и собаку свою колотит.

– Да ну! – не верит услышанному Кевин. – Неужто собаку?

Я киваю: мол, чистая правда.

– Своими ушами слышал.

– Ого. – Кевин качает головой. – Это уж совсем хреново.

Я достаю из пакета дареный пончик.

– Вчера после школы тоже хреновато было, разве нет?

– Да уж, – Кевин со вздохом разводит руками. – Я хотел помочь бедняге Генри, но ведь тогда и мне досталось бы.

– Наверное. – Я пробую на вкус глазурь. – Зато тот новенький отличился. Как выскочил... здоровый такой. – Я откусываю кусочек. – Ммм... Пончик классный.

– Правда? – радуется за меня Кевин. – И вид аппетитный. Как у той новенькой, – добавляет он. – Симпатная.

Откусывая еще кусочек, я пожимаю плечами:

– Не знаю. Тебе видней.

– Эй! Э-эй! Э-э-э-эй!

Мы останавливаемся и оборачиваемся, с удивлением видя еще одного нашего приятеля, Коннора. Он бежит к нам, дико размахивая руками.

– Чего это он? – недоумевает Кевин.

– Наверное, обозлился, что мы не зовем его ходить с нами в школу, – предполагаю я.

– Лишний пончик у меня был всего один, – шепчет Кевин. – Что мне ему сказать?

Коннор с разбегу тормозит и подается вперед, тяжело переводя дух.

– Занятия отменили.

Я доедаю пончик и, облизывая пальцы, спрашиваю:

– Сестра Мэрион, что ли, приболела?

– Какое там «приболела»! – Коннор машет рукой. – Я слышал, как мать разговаривала по телефону. Кто-то из нашего класса умер. То есть больше уже не появится. Никогда.

Мы с Кевином враз роняем сумки и в один голос спрашиваем:

– Кто?

– Не знаю, – отвечает Коннор. – А нашли его возле речки.

Глава 1

НАШИ ДНИ

Я сижу в театральном кафе Остина, штат Техас, подальше от сцены. Недалеко под потолком гудит кондиционер, на форсаже превозмогая жару августовского вечера. Сцена находится по центру. В руке у меня бокал элитного «Макаллана». Не могу отказать себе в этой слабости; как говорится, приверженность к качеству обязывает. Конечно, есть и другие, более доступные сорта виски, но когда я один, без семьи, то нет необходимости изображать из себя благоверного супруга и отца (роль обременительная, но необходимая для соответствия высшей цели, на которую надлежит равняться).

Со своего места я неспешно оглядываю участников нынешних поэтических чтений. Примерно двадцать голов, разномастных в плане пола и возраста: вон той молоденькой лет шестнадцать, не больше, а этот поношенный типчик наверняка разменял седьмой десяток.

Местечко вполне себе уютное. Я неторопливо прихлебываю виски (вкус – приятный оттенок дуба, с жарким пощипыванием на языке). Между тем к микрофону подходит Майкл Саммер. Темный шатен, скрупулезно соответствующий моему умозрительному имиджу. Рост под метр девяносто (рядом с ним мне за свои метр семьдесят семь как-то даже стыдно), в очках и «бабочке», оттеняющей застегнутость пуговиц. Похвальное внимание к нюансам, особенно с учетом его роли в качестве сегодняшнего ведущего; можно сказать, повышает планку ожиданий. Кто знает – может, он окажется настолько хорош, что укрепит свое реноме до роли постоянного ведущего...

Пристальным взглядом он сканирует собрание и отыскивает меня – «профессора», как я был представлен на предыдущем мероприятии, что и привело меня к приглашению на это.

– Добрый вечер! – прочистив горло, обращается он к аудитории. – Я – Майкл Саммер. Добро пожаловать на наш вечер поэзии, вечер истинного литературного наслаждения. Сегодня, прежде чем начать, под ваши сиденья я положил по книге стихов.

Дальше я слышу все как сквозь воду. Что значит «положил под сиденья»? Поэзия – это библия слов, не предназначенная для лежания на земле, для того, чтобы ее пачкали и святотатствовали над ней. Поэзия – это история, которую надлежит оберегать; уроки, необходимые для усвоения, путь к изменению нашего общества или отвращению его от распада и гибели.

А я – ее признанный Мастер; не гений, но тем не менее призван им быть.

Откидываюсь на спинку стула, пригубляя элитный виски – амброзию, которая, как я вижу, звучит диссонансом атмосфере, в которой некто, подойдя к микрофону, одной лишь фразой оскверняет великое наследие Фроста, Шекспира и По. Список можно продолжить, однако слушателей я не виню. Они – всего лишь ученики. А вина лежит на учителе, и этот учитель должен поплатиться. Дальнейшего продолжения роли ему не уготовано, но он послушит определенной цели.

Я допиваю бокал и убираю его в сумку на полу. Единственное, что я исконно оставляю после себя, – это *слова*. Так что решение принято. Сегодня *та самая* ночь. Саммер – именно то, что нужно. Это он даст ей понять, что пришло время исполнить свое предназначение. Подготовить себя, доказать свою состоятельность, пройти испытание. Он тот, кто явит ее мне. Мою безупречную, желанную воспитанницу. Будущую госпожу при Хозяине.

Глава 2

– Детектив Саманта Джаз! – зычно доносится из двери капитана Мура.

Я через стол кошусь на детектива Итана Лэнгфорда, в прошлом моего напарника, а ныне соседа по насесту.

– Лэнг, *ты* что-нибудь сотворил?

Тот смеется раскатистым басом двухметрового здоровяка. По службе он не раз протаскивал меня по извивам и ухабам. Опаска, оглядка, «семь раз отмерь» – это все не про него. Его кредо: «Не ходишь по-крупному – делаешь по-мелкому». Вот и сейчас он пожал плечами и ернически хмыкнул:

– Да ничего такого. Не верь поклепам. Все тип-топ.

Я хмурюсь, потому что пикироваться с капитаном – его излюбленный конек. А вот у меня – нет, и тому есть веские причины. Каждая встреча с Муром для меня пробуждает в комнате призрак моего отца – бывшего капитана, которого мы ровно три месяца назад похоронили. Причем не с таким почетом, о каком можно было мечтать. Ушел, что и говорить, не под фанфары.

– Лэнг, я серьезно!

– Да ничего такого, – подмигивая, говорит он. – Ну, из того, что ему следует знать.

Я хлопаю себя по бедрам и вперяюсь в него взглядом Мегеры.

– Да ладно тебе, мозговой трест, – юлит Лэнгфорд. – Ты ж была моложе всех на участке, в двадцать пять лет с самым высоким ай-кью за всю историю... Баллы просто зашкаливали. Что у тебя, на капитана ума не хватит?

– А тебе бы только глумиться, паршивец... Аж тащишься.

– Не без того. Может, он хочет знать, почему тебе уже тридцать два, а ты не сдаешь тест на сержанта.

– Тебе вон сорок, а ты тоже до сих пор не сдал, – подкалываю его я.

– Уж такое я уе...

Я его люблю, но в каком-то смысле он и вправду не всебешный; при этом любопытно, что отец частенько ставил нас с ним в пару.

– Возможно, тест я не проходила, потому что не хочу командовать такими, как ты.

– Джаз! – доносится рык капитана. – Я жду!

Я машинальноправляю свои длинные светло-каштановые пряди за уши (жест, для детектива вроде меня выдающий нервозность). Примерно то же, что оглаживать на себе одежду – как я сейчас провела по своему брючному костюму с шелковой блузкой. Куртка скрывает мое табельное оружие и значок, а шелк вкрадчиво шелестит: «Я – женщина, вонзающая жало».

Впрочем, сейчас я никого не жалею. Спина у меня напряженно выпрямлена. А при взгляде на пятачок стола, где некогда красовалось фото моего отца – статного темно-русого красавца с зелеными глазами, как у вашей покорной слуги, – я ощущаю томительное раздражение. Скорей бы все это закончилось.

Отвернувшись от Лэнга, я отключаюсь от его «удачи!», сопровождаемого сочувственным шевелением коллег за столами. Прессовать меня насчет сержантского теста капитан не собирается. Я – дочь его замаранного предшественника, который уже (или *все*) три месяца как в могиле. И, по-видимому, мое намерение перебраться в отдел внутренних расследований – для обновленного Джаса – делает меня отступницей еще хуже отца.

Капитан Мур мне не доверяет. А то, что мой крестный – начальник полиции и бывший лучший друг моего отца, делу совсем не в помощь. Скорее наоборот.

Я подхожу к двери начальника и без паузы влетаю в его кабинет. Вот что значит быть детективом убойного отдела и дочерью своего родителя. Видно, я с детства усвоила не робеть

даже в самых патовых ситуациях. Мне известно, как погружаться прямоком в сердцевину чертова момента. А каждый момент с капитаном для меня именно чертов – не знаю, как для кого еще.

Он возвышается глыбой над своим столом – темнокожий атлет на пятом десятке, крупный во всех отношениях; уже само его присутствие большое и уверенное. Источающее властность. Его кабинет по-мужски холоден, без всяких там семейных фоток. Видно, что он обручен со спортзалом и, насколько мне известно за годы нашей совместной службы, прочно разлучен с кафе-кондитерскими, предпочитая коротать свой досуг в других местах. Я, со своей стороны, тоже дружу с фитнесом, но и кафе-мороженого не чужаюсь; просто Мур более цельный. И при этом однобокий. Не видит оттенков серого, которые, по моему убеждению, являются ключом к раскрытию преступлений. Для него есть только черное и белое, что для меня объясняет, почему, если не считать моего отца, я раздражающе воздействую на его нервные окончания. Мы оба знаем, что видеть это серое я научилась от своего отца, который, бесспорно, был в свое время чертовски хорошим детективом. Просто он различал слишком уж много этих оттенков.

– Закройте дверь, – сдержанно кивает Мур, не отрываясь от папки с досье.

Уже интересно. Закрытая дверь – сама по себе тревожный симптом.

Я безмолвно подчиняюсь, и как только оказываюсь в тесном пространстве кабинета с этим крупным альфа-самцом, он поднимает на меня свои умные, глубокие темно-карие глаза с ноткой извечного осуждения. Однако сейчас из его уст звучит нечто совсем иное. И, прямо сказать, неожиданное.

– Я слышал, вы неплохо разбираетесь в поэзии. – Он постукивает ногтями по уголку своего компьютера. – Так указано в вашем досье. Даже руководили в колледже пен-клубом.

Я хмурюсь. Это что, *действительно* о сержантском тесте?

– Для чего вдруг вам моя информация по колледжу?

– Дело не в вас, детектив Джаз. Я искал кого-то, кто знает толк в поэзии, и даже необязательно в пределах департамента. А тут оказалось, что и вы этой теме не чужды. – Папку он по гладкой столешнице переправляет мне. – Объяснение поищите в этом.

Моя защита ослабевает, и детектив во мне – тот, которого хлебом не корми, лишь дай поразгадывать немыслимые головоломки – усаживается, горя желанием работать. Работа – это хорошо. Она помогает мне оставаться в здравом уме. После смерти отца мне потребовалось шестьдесят дней, чтобы убедить психиатра департамента, насколько это верно. Все это время она наблюдала, как я раскрываю дела и проявляю себя с лучшей стороны. Теперь она мне верит. А я наконец от нее избавилась.

Открываю папку и вижу голого мужчину, прихваченного к стулу за лодыжки и талию; что интересно, руки у него свободно свисают вдоль боков. Голова опущена, и лицо закрывает копна темных волос. Справа от стула – неровная лужица рвоты. Мысленно я представляю момент, когда его стошнило: видимо, он пытался рвануться со стула, причем довольно яростно – на грудной клетке заметны следы ожогов. Не сумев высвободиться, он, по всей видимости, в отчаянии подался вперед и потянул за собой стул.

На внутренней стороне папки информационный вкладыш: *«Причина смерти: яд. Вещество не установлено. Ждем результаты токсикологической экспертизы»*.

В памяти всплывает одно давнее дело: муж, заставивший жену под угрозой смерти их детей принять цианид. Шансов выжить у нее не было. Никаких. После значительной дозы цианида спасения не бывает. Смерть наступает неминуемо, в промежутке от двух до пяти мучительных минут. Кончина той женщины была жестокой и скоротечной, навеки разлучив мать со своими детьми.

В отличие от этого мужчины, защищающая своих детей мать не была привязана к стулу, но ее чудовище-муж позже сознался, что предоставил ей выбор. Он велел ей принять добы-

тую им через Даркнет² таблетку цианида, а иначе он расправится с детьми. Он зарился на ее страховку. И женщина приняла яд ради спасения своих детей. Но он не пощадил и их, тоже скормив им таблетки, а затем подал это как коллективное самоубийство, оставившее его, безутешного, одиноко доживать свой век.

Это болезненное воспоминание я отбрасываю, уже сосредотачиваясь на новом деле; формируется навскидку и гипотеза. Возможно, с этим человеком произошло нечто похожее на то, что случилось с той несчастной матерью. Вот почему руки у него свободны. Ему был дан выбор – добровольно принять смерть со вкусом отравы или же удостоиться чего-то, что в сравнении с этим на порядок хуже.

Ненадолго я проникаюсь мыслью, что то старое дело, где орудием убийства значился яд, и есть причина, по которой я просматриваю это досье. Но затем вспоминаю отсылку капитана на мое знание поэзии. Переворачиваю страницу и нахожу фото с распечаткой стихотворения; она очень похожа на бумажку в печеньке с предсказанием. Во вкладыше помечено, что бумажка со стихом найдена у жертвы во рту, однако на ней нет следов рвоты. Любопытно.

Эту мысль я тоже временно откладываю и вчитываюсь в строки:

Кто смеется в зубах у ненастья,
Тем не менее чая сквозь тьму
Отыскать среди звезд тропку счастья,
Где б Хозяин явился ему.

– Этот стих мы «загуглили», – говорит Мур, видимо, следя за моим чтением. – Его написал...

– Артур Гитерман, – опережаю я.

Мур сосредоточенно сводит брови.

– Этот стих из восьми строф. А здесь всего одна. Как вы ее уловили?

– Не для того ли вы меня сюда вызвали? Как человека со знанием поэзии?

– Да, действительно, – нехотя соглашается он. – Просто я не ожидал...

– Что я в самом деле разбираюсь? Ну так сами видите.

Мур всматривается в меня прижмуренными глазами.

– А о чем этот стих?

– Этот вопрос можно задать целой коллегии литераторов, и все мнения будут разниться.

Он сжимает губы. Ему не нравится моя откровенность, обозначающая, насколько невозможно ответить на этот вопрос.

– Ну а вы бы как определили?

– Я бы сказала, о судьбе.

Видимо, тест на эрудицию я сдала, поскольку капитан движется дальше:

– Детектив, ведущий это дело, принял неожиданное решение перевестись в Хьюстон. Так что я волей-неволей вынужден его перепоручить.

Я озадаченно приподнимаю брови; мысли теперь больше сосредоточены на уходящем детективе, чем на деле, которое, очевидно, попадет ко мне. Отдел у нас небольшой, всего из двенадцати сотрудников, которые знают друг друга как минимум неплохо. Но о переводе никто и словом не обмолвился.

– А кто уезжает?

– Робертс.

---

² Даркнет – скрытая сеть, соединения которой устанавливаются только между доверенными пирами, иногда именуемыми как «друзья», с использованием нестандартных протоколов и портов. Является источником любой, в основном нелегальной, информации и услуг.

Вот те раз... И в самом деле впору растеряться. С Робертсом мы как бы на дистанции, хотя я знаю его много лет. К тому же у него здесь корни: дом, друзья, бывшая жена, с которой он все никак не может доразобраться; да еще и футбольчик по выходным... Всё как снег на голову.

— Зачем ему это, капитан?

— Персональное решение. — Дальнейших объяснений капитан не предлагает. — Я распоряжусь, чтобы он ввел вас в курс дела. Теперь вести его будете вы. Можете определиться, брать себе в пару детектива Лэнгфорда или солировать в одиночку. Словом, теперь это *ваш джаз*.

Глава 3

Из кабинета шефа я выхожу с папкой в руке и в необъяснимом раздрае относительно экспресс-ухода Робертса. Впрочем, отчего же... На самом деле объяснение есть. Робертс был близок с моим отцом, а с учетом того, что мне теперь известно об отце, это не добавляет в картину позитива. Тем не менее у человека есть право жить своей жизнью и не ставить в известность о своих планах кучку зубоскалов из убойного отдела. Я, разумеется, все это понимаю, и тем не менее по возвращении к своему столу, где выжидаяще притих Лэнг, обнаруживаю, что он у меня в игноре. В этом нет ничего необычного. Игнорить Лэнга я умею так же, как он меня. Энергия взвинченности не дает мне сесть, и я стоя клацаю по клавиатуре, ища в компьютере номер Робертса, который ввожу себе в мобильный.

Лэнг щелкает передо мной пальцами:

– Але, гараж! Что происходит?

А то, что по номеру Робертса автоответчик талдычит «абонент отключил телефон», что одновременно и неожиданно, и странно. Шеф сказал, что Робертс проведет со мной инструктаж. А он как будто взял и сделал ноги.

– Джаззи, – напрягается Лэнг. – Какого...

– Ты, кажется, знаешь Робертса достаточно близко?

– Ну да. Работали с ним в прошлом году над одним делом. Наш человек. А что?

– На меня перевели одно из его дел. Он вдруг резко засобирился в Хьюстон, но перед отъездом должен был меня проинструктировать. Так вот, теперь это в его планы как будто не входит. Телефон отключен.

– У Робертса?.. Мать, ты, часом, не перегрелась? – Он укоризненно косится в мою сторону. – В смысле, уверена?

– Ну а как же. Сейчас только его набирала.

– Да ну, бред какой-то... Мы с ним еще на прошлой неделе выпивали, так он и словом ни о каком переезде не обмолвился. Ты, наверное, неправильно набрала номер.

Он тянется к своей трубке, чтобы набрать Робертса, но я знаю, что не ошиблась. Делаю обратный путь через офис и заглядываю в кабинет шефа. Тот при виде меня тянет бровь вверх.

– Что, дело уже раскрыто?

– В процессе, – отвечаю я. – Мне не терпится поговорить с Робертсом. У вас есть его номер телефона?

На лице шефа мелькает раздражение.

– Он в системе.

– Этот номер отключен.

Мур смотрит тяжелым от недоверия взглядом.

– Странно... До пятницы он еще в городе. Вы, наверное, неправильно набрали номер.

Не мешало бы прямо сейчас подвести его к Лэнгу, который как раз пытается вызвонить коллегу с таким же нулевым результатом, но я решаю воздержаться и вместо этого наблюдаю, как Мур набирает номер на своей трубке. Вызов предсказуемо длится не дольше нескольких секунд.

– Хм... Вы правы. Телефон выключен. Пожалуй, я перезвоню капитану Ньютону, начальнику Хьюстонского участка; точнее, он станет им в ближайшее время. У Ньютона на него свои выходы. Я дам знать, когда у меня состоится с ним разговор.

Иными словами, пошла вон. Однако я этому направлению не следую. Во всяком случае, пока.

– Капитан...

– Перестаньте. К скандалу с вашим отцом это не имеет никакого отношения.

Скандал.

Это слово зловеще витает в воздухе и в моем сознании. Настолько, что хочется спросить, а справедливо ли оно липнет к тому, что попавший на пленку голос моего отца хвалит полицейского за «хорошую работу» после того, как тот убил подозреваемого. Но я этого не делаю. А прикусываю язык, причем сильно. Кажется, что еще чуть-чуть, и брызнет кровь.

Капитан мне, возможно, и не друг, но думается, что неприязнью к моему отцу он кипел не без оснований. Мур суров и тяжел, но он хороший человек и отменный коп. Мой отец стоял за тем, чтобы я поступила в полицию, но он не был ни тем, ни другим; впрочем, это осложненная часть моей натуры, в которую большинство людей, включая порой и меня, врывается не до конца.

Чувствуя в себе жжение двойного укола, который после смерти отца заставил меня разглядеть назначенный департаментом консультант (с моей помощью он обозначил их как «горе» и «гнев»), я возвращаюсь в общий офис и подхожу к своему столу.

– А ведь ты права, – встречает меня Лэнг. – Телефон отключен. – Он понижает голос: – Это не...

– Нет, – отрезаю я, прежде чем он успевает спросить об отношениях Робертса с моим отцом, потому что именно к этому все и идет. Уж я знаю Лэнга. А он меня. Пять лет работы за одним столом и под сотню совместных расследований – это все о том. И тем не менее я даже по-настоящему не знала отца, с которым выросла. А может, наоборот, и в этом моя истинная проблема. Сейчас я это ставлю на паузу и двигаюсь дальше: – Капитан сейчас добывает новый номер.

– Ну ладно. – В голосе Лэнга нет ни уверенности, ни удовлетворения. – Так что за дело нам передают?

Вы слышали? *«Нам передают»*.

Можно было бы его, конечно, осадить, но я этого делать не стану. В данном случае. Когда он уже ищет связь между этим делом и отъездом Робертса. Я, признаться, тоже. Придвигаю к Лэнгу папку и сажусь рядом, наблюдая, как он просматривает содержимое. Интересно, какая будет реакция.

– Та связь не прослеживается, – подает он голос, все еще глядя в папку. – Зато похоже на одну старую историю. Помнишь, та мать с детишками, которым дали яд? Похоже на отравление цианидом.

– Да. Я тоже об этом подумала.

Лэнг раздумчиво постукивает по папке.

– Ты заметила, что этого парня вырвало, но стих, найденный у него во рту, остался чистым?

– Да, именно. Видимо, убийца промыл ему рот. А ну-ка... – Я хватаюсь за сотовый. – Сейчас позвоню выясню, находится ли еще тело у медэксперта.

Короткий звонок, и ответ готов.

– Подтверждают, тело пока на месте, – говорю я и одновременно бросаю взгляд на дисплей мобильного, убедиться, что уже половина второго: то есть обеденный перерыв в офисе медэкспертизы благополучно закончен. – Двину в том направлении. Ты со мной?

– Если сначала через дом Робертса, то да. – Он взмахивает листком бумаги. – А вот и адресок.

С Лэнгом мы расходимся во многом – в фильмах, в политике, – но когда доходит до расследований, какие-то полюса в нас меняются, и мы магнитимся друг к другу так, как надо. Сосредотачиваемся на одном и том же, что-то обходим, что-то отбрасываем, и все это к месту. Вот и сейчас один из таких моментов. С Робертсом нечто не строится. А когда вся твоя жизнь во многом вращается вокруг смерти, ты никогда не игнорируешь это самое нестроение. Иначе тоже можешь оказаться мертвым.

Глава 4

Перед тем как ехать, мы с Лэнгом решаем заручиться поддержкой компьютерной криминалистики. Лично я считаю, что путь к мужскому сердцу лежит хоть и не совсем через желудок, но все же нуждается в подпитке – особенно внутри команды, где все обычно перегружены и не избалованы похвалой. А потому сейчас, когда мы приближаемся к закутку Чака Уотерса – самозабвенного затворника, души не чающего в шоколаде, – я держу свою сумку наготове и вынимаю из нее не какой-нибудь «Баунти», а плитку настоящей «Годивы».

Лэнг одобрительно подмигивает и слегка отстраняется, давая мне место для маневра. В ближайшей свободной кабинке я замечаю стул и вкатываю его в закуток Чака, усаживаясь рядом с ним за столом, куда первым делом выкладываю плитку. При виде подношения Чак с лукавинкой ухмыляется и смотрит на меня, пальцами все так же работая на клавиатуре. Мышечная память – великая вещь. Мой палец. Мой пистолет. Его пальцы. Его волшебная клавиатура с ответами, которые мне нужны сейчас, да и вообще всегда.

– Дарить подарки я тебя не обязываю.

– Не обязываешь. Но почти каждое раскрытое убийство для меня связано с твоими долгими часами. Которые я ценю. И кстати, мне действительно кое-что от тебя нужно. Вот прямо сейчас.

Он издает грубоватый смешок, утробный и несколько крупноватый для мужчины ростом вровень со мной (я метр шестьдесят пять), а уж весом несравненно больше.

– А много всего нужно? – Локтем подпихивает ко мне желтый линованный блокнот. – Давай списком.

Я к блокноту не тянусь.

– Все, что ты можешь дать по свежему делу Саммера. Я сейчас еду в медэкспертизу, но хочу наперед скакнуть к выводу, что причиной смерти стал цианид.

– А еще знать, где убийца его раздобыл.

– Совершенно верно. Несколько лет назад у нас было одно дело, и там фигурировал даркнетовский контакт, который мы так и не выявили.

– Досье по делу Родерика Кенсингтона, – подсказывает Лэнг, опираясь на край кабинки с моей стороны, чтобы не всполошить Чака.

Тот машет ему рукой и что-то записывает.

– Понял... Так, зашел. Порядок. Подгоню также снимки его дома, имейлы и детализацию звонков, всякое такое.

– Да, а еще сделай подборку поэта Артура Гитермана, – добавляю я, – с акцентом на стихотворении «Судьба».

– Артур Ги-тер-ман, – вторит Чак, делая дополнительные пометки. – «Судьба». Досье по Саммеру. Понял. – Он вбивает имя и удивленно смотрит на меня. – Здесь указано, что дело ведет Робертс.

– Тут все поменялось, – поясняю я. – Робертс экстренно переехал в Хьюстон.

Чак собирает на лбу треугольник морщин.

– Это убийство произошло три дня назад. Он работал на месте преступления, и по этим заметкам один из моих коллег выполнил для него нехилый объем работы. Вы уверены, что он действительно снялся с дела?

– Уверены. Снялся. А заметки твоего коллеги теперь пригодятся нам. Или помощь, если ты сумеешь его завербовать.

С лица Чака не сходит замешательство.

– Вот это номер... Неожиданно.

– Телефон у него отключен, – сообщает Лэнг. – Пытаемся с ним связаться, но пока безуспешно. Сейчас, как отъедем, думаем навеститься к нему домой.

Они сцепляются взглядами, и в глазах Чака промелькивает понимание.

– О бог ты мой, – бормочет он. – Я пробью его телефон. Хотите, чтобы копнул глубже?

– Пока не надо, – отвечаю я, сама колеблясь от предчувствия. – Поищи лучше какую-нибудь связь между Саммером и Робертсом. И сопоставь со всеми делами Робертса за последний год. А лучше два.

Чак кивает.

– Да-да, конечно. Сейчас сразу и займусь. Кстати, у Робертса отключена домашняя сигнализация. Патруль пытается найти соседа, у которого может быть камера, направленная на его дом.

– Похоже, в наши дни работающие камеры есть только в музеях, – сухо замечаю я. – Спасибо, Чак.

Лэнг плечами нависает над закутком и ласково рычит:

– Чак, гад ты родной! Стервец ненаглядный...

Тот смотрит на него как на чокнутого. А что, сходство есть...

Через несколько минут мы с Лэнгом садимся в его «Форд Мустанг» – часть пилотной программы, позволяющая некоторым детективам полностью оснащать свой автомобиль полицейским оборудованием. Это входит в работу под прикрытием, которой мой напарник занимался два года назад, за что его чуть не убили. Он заводит двигатель и остро смотрит на меня.

– У меня нутро урчит громче, чем моя машина, и это пение меня настораживает.

На картинные слова Лэнг не скупится никогда, но сейчас они звучат без преувеличения.

Глава 5

Робертс живет – или жил – примерно в десяти жарких августовских минутах езды от участка (десять – это если нет наплыва машин, что бывает скорее во сне, чем наяву). Сейчас Остин забит адскими пробками, и я регулирую решеточку вентиляции в надежде на зыбкую прохладу. В ожидании этого чуда света тянусь к сумке, где у меня лежит папка, и натываюсь там на неучтенную плитку шоколада. Чтобы он не растаял, ломаю его напополам и протягиваю половину Лэнгу.

Он искоса ухмыляется: «Тоже мне, шоколадница», – но хватает лакомство не мешкая.

– Уже таять начал, – поясняя я. – Даю во спасение «Годивы». Ну или моей крыши, чтобы до срока не поехала. Глядишь, увеличу за счет глюкозы свой дневной пробег; цена в принципе терпимая.

Открываю папку с делом и начинаю просматривать документы.

– Место преступления на камерах не зафиксировано. Есть только общий план трехэтажного комплекса с книжным магазином внизу и небольшим театром в цокольном этаже. В ночь убийства там был поэтический вечер.

– Оттуда, наверное, и стишки, – заключает Лэнг.

– Может быть, – неопределенно киваю я. – Хотя не думаю, что все настолько просто.

Эту мысль я временно оставляю на подвесе, чтобы обработать позже.

– Квартира жертвы находится на верхнем этаже. Там Саммер жил, там и встретил свой смертный час.

– Давай вернемся к теме видеофиксации. Этот человек жил и работал, по сути, в коммерческом здании, в самой пуповине Остина, и у него там не было камер слежения? То есть вести бизнес ума хватало, а установить камеры – нет? Не поверю.

Я перелистываю еще несколько документов (в салоне наконец воцаряется благодатная прохлада).

– Камеры у него, судя по всему, все же были. Только в ночь убийства их кто-то невзначай отключил.

– Наверняка привет от того доброхота, что скормил ему таблетку вечного сна.

– Согласна. – Я киваю, продолжая просматривать папку. А когда «Мустанг» застревает в неоглядной веренице машин, поворачиваюсь к Лэнгу. – Робертс – детектив с опытом. И в короткий срок собрал много материала. Так что наверняка определил лицо, представляющее для нас интерес.

– А что, с него станется... И кто же это, черт возьми?

– У него значится «профессор», без отсылки к конкретному имени. Причем интересно, что он опросил всех присутствовавших на том чтении; всех, кроме одного.

– Профессора? – Лэнг криво усмехается.

– Именно. Робертс реально хотел опросить того человека, кем бы он ни был.

Лэнг дергает рычаг передач (поток машин вроде как стронулся с места).

– Какое-нибудь описание есть?

– Свет в театре был приглушен и направлен на сцену, так что все, что у нас есть, – это смутное описание человека в заднем ряду. По словам, он «казался» высоким, хотя стоящим его никто не видел, так что воспринимать это можно с большой натяжкой.

– Что еще?

– Среднего телосложения, волосы темные. Похоже, это всё. При зажженном свете его никто вроде и не видел.

– Видом не видел, стоймя не ставил... – бурчит Лэнг. – Одни прикидки. Итак, ДНК у нас нет, а есть только расплывчатое описание, под которое подпадает кто угодно, плюс взятое

с потолка прозвище. Черт возьми... Я-то решил с твоих слов, что Робертс действительно проделал серьезную работу.

– За несколько суток он действительно проделал немало. И папку с делом мы получили только что: здесь вполне может быть что-то, чего я пока еще не раскопала. – Просматриваю список улик. – Мы упаковали стаканчики из-под напитков, которые зал употреблял во время чтений; сейчас они в очереди на анализ ДНК. Дай-ка я проверю статус...

Набираю криминалистическую лабораторию. Диалог получается недолгий и в целом бесполезный; со связи я ухожу с досадливым вздохом.

– Мы в очереди, но с отставанием. Беру на заметку: идти в лабораторию самой и не вылезать оттуда, пока наше тестирование не получит приоритет.

Лэнг лишь хмыкает. Он такой. Приберегает свой накал для более подходящих случаев – скажем, мест преступлений, где требуется соблюдение условностей, которые он ради достижения результата пускает побоку.

Далее при просмотре я обнаруживаю в расследовании существенный пробел, который необходимо устранить. В ходе нескольких звонков договариваюсь, чтобы патруль проделал нечто, видимо, упущенное Робертсом на ранней стадии: запрос о добровольной сдаче ДНК всеми, кто присутствовал на том вечере поэзии.

– Как! – удивленно восклицает Лэнг, когда я наконец прячу трубку. – Робертс что, не взял ДНК? По мне, так это вообще должен быть первейший шаг.

– Представь себе, – отвечаю я, – действительно не взял. Даже не знаю, как он мог пропустить этот этап.

– Вот видишь. Значит, работка проделана не так уж и виртуозно. Может, Робертса что-нибудь отвлекало? Детектив ведь может быть не только чистым, но и грязным...

Это что, снова намек на моего отца? Ладно, сейчас об этом лучше не надо.

– Не знаю, что происходит с Робертсом, но что-то здесь не вяжется.

– Ты видишь в нем нашего убийцу? Из-за того, что он коп?

– Которого ты только что обозвал «грязным».

– Грязный – это одно. А монстр – уже другое. Мы все равно ищем профессора. Ты сама так сказала.

– Вообще-то так сказал Робертс.

– Робертс-Шмобертс, – огрызается он.

– Улики сделают свое дело – выведут нас к убийце. Первым делом нам нужны образцы, чтобы сопоставить их с ДНК на стаканах. И когда мы вычислим того профессора – а это так или иначе произойдет, – нужно будет доказать, что он присутствовал на том мероприятии. А это у нас получится как раз за счет его обособленной ДНК.

– Будем считать, процесс запущен. Только подозреваемый пока не на виду.

На этой ноте Лэнг сворачивает к подъездной дорожке укромного дома из буроватого кирпича – по всей видимости, жилья Робертса.

– Что-то мне не по себе, – признаюсь я, нервно запихивая папку возле сиденья. До двери даже не дотрагиваюсь.

– Оно понятно: ты же девушка, – бросает Лэнг просто потому, что эта шутка меня бесит. Да, партнеры чем-то напоминают братьев и сестер – по крайней мере, так говорят. У меня никогда не было ни тех ни других. Есть просто дылда, которого я называю Лэнгом потому, что это его бесит.

– А еще потому, что Робертс в беде, – добавляет он. – Это буквально витает в воздухе.

Открывает дверцу и выбирается из машины.

Ядвигаю следом, а по бедру меня ритмично хлопает сумка с дактилоскопическим набором, которую лучше было оставить в машине. Это не место преступления, но чутье как будто подсказывает мне, что она мне понадобится. Мы уже на подходе к двери, когда в кармане

куртки у меня звонит сотовый. Я хватаю трубку в надежде, что это шеф с какими-нибудь вестями о Робертсе, но на определителе значится имя матери. Первый ее звонок за сегодня (просто чудо, учитывая, что, с тех пор как я снова вышла на работу, она названивала мне по три раза в день). С легким уколом вины я нажимаю на сброс звонка. Но мать уже пробудила воспоминания о той ночи, когда был убит отец: он стоял передо мной, а я винила его во всех грехах перед значком. В ответ он обложил меня «напыщенной сукой-всезнайкой». Это были его последние слова, адресованные мне в этой жизни. Спустя секунду грохнул выстрел, и отец рухнул прямо на меня.

Это воспоминание я с усилием стряхиваю и прячу телефон обратно в карман. Понятно, что мать скорбит и напугана. Понятно и то, что, если б мы поймали того бывшего сидельца, который убил моего отца, она, по крайней мере, не была бы такой прилипчивой. Но у него был тогда шанс меня убить. И он его не использовал. Сейчас он за этим тоже не возвратится.

А вот если я позволю ей себя взвинтить, то могу допустить какой-нибудь глупый просчет и в самом деле погибнуть.

Мы заходим под навес перед домом, и Лэнг стучит в дверь. Я деликатно звоню в звонок. Два варианта на выбор: грубость и изящество. Из обоих ни один не срабатывает. Дверь никто не открывает. Лэнг проверяет ручку, и та поддается; он искоса глядит на меня. Я откидываю полу куртки и кладу руку на оружие, кивая ему. Он поворачивает ручку, выхватывает свой «глок» и пинком распахивает дверь. Наружу в летнюю жару выкатывается встречный вал духоты. Взгляд, которым мы обмениваемся, говорит о многом. Нет ничего хуже, чем войти в техасский дом без кондиционера; хуже только техасский дом без кондиционера, где находится мертвое тело. Хорошая новость: запах пока не чувствуется.

Лэнг утыкает подбородок в шею и спустя секунду врезается в студень стоялого жара. Его сильное тело прорывается через ад, коим является дом без кондиционера, а я спешу за ним по пятам. Мы останавливаемся в жилой зоне, и Лэнг проклинает то, что мы обнаруживаем. Комната пуста, совершенно без мебели; уход Робертса быстр и полон. В силу вступают сноровка и наша многолетняя совместная практика: мы автоматически разделяемся, обыскивая небольшой дом. Наши бесплодные поиски заканчиваются снаружи под зноем более прохладным, чем духовка внутри.

– Так быстро не уезжает никто, – говорит Лэнг, запирая за собой переднюю дверь. – Если он только не удирает из страха.

– Хотя при этом он помнил о своем счете за электричество, – замечаю я. – Отключил кондиционер. Значит, его заботили будущие траты.

Снова звонит мой сотовый, и я бросаю взгляд на экранчик.

– Шеф, – говорю, быстро поднося трубку к уху. – Капитан?

– На перевод в Хьюстон Робертс просил две недели. Как с ним связаться, там пока не знают. Так что по Саммеру вы находитесь в свободном плавании – во всяком случае, пока мы не установим с Робертсом связь.

Я бросаю взгляд на Лэнга, и тот кивает, молча давая понять, что слышит наш разговор.

– Вам все это не кажется странным, капитан? – спрашиваю я.

– Ничто не просто, и вам это знакомо лучше, чем кому-либо. С некоторых пор. Может, он почувствовал за спиной опасность, или ему понадобился оперативный простор... Но вот вам одна хорошая новость: у нас есть *вы*. Так что давайте, ловите вашего убийцу.

На этом Мур уходит со связи.

Я убираю телефон обратно в карман и скрещиваю на груди руки. Это же делает Лэнг.

– Ты думаешь, это как-то связано с делом Саммера? – спрашиваю я.

– Ты же знаешь, мы с Робертсом работали. Лично я не могу представить себе монстра настолько жуткого, чтобы напугать его. Решение уйти им, наверное, и без того уже было принято. В департаменте у него есть другая работа.

– Может, оно и так. А если срежиссировано?... Нам нужно с ним поговорить.

Лэнг кнопкой ключа снимает «Мустанг» с сигнализации.

– Ты продолжай шерстить дело, – говорит он мне на пути к машине. – А я нынче подавлю свой зов плоти и займусь отслеживанием Робертса.

Мы с боков подходим к дверцам.

– Зов плоти? – усаживаясь, заинтригованно спрашиваю я. – Ты так это называешь?

– Это ее подача, не моя. – Он с шумным вздохом запускает мотор. – Говорит, что если я на нее западу или что-нибудь в этом роде, то один из убийц, за которым я гоняюсь, может захотеть мне в отместку с ней поквитаться. Если же на меня упадет она, а я в итоге склею ласты, то ее жизнь превратится в кошмар.

Надо же, любовный треугольник... Меня это неожиданно задевает за живое. Я отвожу взгляд.

– Весь этот мир действительно зациклен на убийствах. Они у него и в начале, и в конце.

Где-то в глубине горла я ощущаю горький привкус. Мысли возвращаются к отцу. По иронии судьбы, его убили не за плохие дела, а за хорошие. Тот бывший зэк элементарно хотел отплатить ему за то, что отец десять лет назад упек его за решетку.

– С таким же успехом можно было бы просто смириться с судьбой и встречаться друг с другом, – поддразнивает меня Лэнг, и не случайно. Он, без сомнения, считал мою реакцию и знает, о чем идет речь. – Ведь мы все равно постоянно вместе, – добавляет он. – Два значка, одно сердце.

Я качаю головой над его дурашливостью, которая, в общем-то, намеренная. Мы искрим вместе, но это та искра, которая разжигает неправильный огонь. Такой, от которого бежишь, а не стремишься к нему.

– Забавно, – говорю я, – что я пробовала встречаться с кем-то из нашего ведомства, и это не сработало. Повторения мне не нужно.

– Не буду комментировать то, что было между тобой и Уэйдом Миллером из ФБР. Я предпочитаю фокусироваться на «здесь и сейчас», на тебе и мне. Ты знаешь, что хочешь мое тело.

Я смешливо фыркаю – моя обычная реакция на чье-нибудь вранье, не говоря уж о Лэнге, – и указываю ему на руль:

– Езжай давай. Нам нужно поймать убийцу и найти живым и невредимым детектива.

– Да-да, ты права. Обнаженность – лучший способ двоим возненавидеть друг друга.

В его словах чувствуется язвительность – верный признак того, что о своих любовных похождениях Лэнг просто шутит, а то, что его могут принять за жиголо, волнует его всерьез. Ничего, все мы люди...

Мы примерно в полпути от участка, и я уже давно окунулась в материалы дела, когда мне в голову приходит то, что недавно сказал Лэнг: «Не могу представить себе монстра настолько жуткого, чтобы напугать Робертса». В этом и есть суть проблемы. То, что мы не можем представить себе этого монстра, не означает, что его нет.

Глава 6

Поездку от дома Робертса до офиса медэксперта, расположенного в центре, расхолаживающей назвать нельзя. Мы с Лэнгом застреваем в душной предвечерней пробке. Час пик. Когда истекает шестой и начинается седьмой час, я все цепляюсь за надежду, что медэксперт по делу Саммера еще на месте, хотя уже понятно, что придется перезванивать ему с дороги. В папке я нахожу его имя – и издаю стон.

– Хочешь порадоваться? – спрашиваю Лэнга. – Впереди у нас встреча с Тревором Ричардсом.

– Кислотный ублюдок, – рыкает Лэнг, прежде чем добавить: – Он, скорее всего, уже ушел, а если нет, то задерживаться ради тебя не станет. Шоколад на такого не действует.

Учитывая, что Тревор такой и есть, Лэнг, безусловно, прав, но меня это не останавливает.

– Но попытаться-то надо. У меня есть номер его сотового.

Я просматриваю свои контакты и нажимаю автоматический набор.

– Детектив Джаз? – неохотно приветствует он. – Каковы бы ни были ваши желания, время сейчас неподходящее.

Я решаю сделать его подходящим для себя.

– Я звоню по делу Саммера. Дело в том, что мне теперь поручено вести его вместо Робертса.

– Неделя выдалась крайне напряженной, – ворчит Тревор, хотя, с другой стороны, он ворчит всегда. На пятом десятке, разведенный и обозленный на весь мир. В определенном смысле я ему сочувствую. Бдение над трупами в режиме 24 на 7 не делает пользы ни взглядам человека на мир, ни, насколько можно судить, его личной жизни. А уж интимной и подавно.

– Сегодня я до ночи не задерживаюсь, – продолжает он, – а завтра я здесь только до полудня. До моего ухода вы вряд ли успеете.

– Да, но...

– Будем считать, что с этим покончено. Сестра умершего ждет, когда вы, ребята, завизируете отправку тела в ее родной штат.

– Очень надеюсь, что у нас будет возможность переговорить о результатах и увидеть тело до того, как это произойдет. Я готова встретиться с вами в офисе пораньше. Можно с самого утра.

– Это необязательно. – Тревор не предлагает никаких дальнейших объяснений, просто констатирует факт. – Саммерс мертв. Он был отравлен. Мы ждем результатов токсикологической экспертизы, но могу с уверенностью сказать: орудием убийства был цианид. Как я оперативно пришел к такому выводу еще до того, как поступили отчеты токсикологов, будет содержаться в моих отчетах, которые вы получите завтра.

– А сегодня вечером можно?

– Нет. – Его голос звучит резко и беспощадно. – Что-нибудь еще?

– Вертки...

– Переданы в криминалистическую лабораторию. Только это не веревки, а подвязки штормовой жертвы на квартире.

Разумеется. Поэт (именно такое прозвище приходит мне в голову) не стал бы использовать ничего, что может вывести к моменту покупки. Бумага, на которой напечатано стихотворение, скорее всего, стандартная для копирования, которая распространена в офисах по всей стране.

Я наспех сворачиваю разговор.

– Все как ты предсказывал, – объявляю, пряча телефон обратно в карман, после чего пересказываю Лэнгу общее содержание звонка.

– По крайней мере, мы подтвердили наличие цианида, – говорит он.

– Каков дальнейший план? Тебе обратно в участок? Или думаешь ехать дальше, выслеживать Робертса?

– Нужно разделять и осваивать. Хочу поработать над делом.

С этим настроем я решаю осмотреть место преступления. Лэнг высаживает меня возле моей машины, дремлющей в служебном гараже – «Форд Фокус» пятилетней давности, – и через минуту я, уже одна, сижу за рулем этой практичной серебристой штуковины. Для меня в ней нет ничего сентиментального, в отличие от лэнговского «Мустанга», который напоминает ему автомобиль отца. Для меня же машина – лишь средство передвижения.

Лэнг со своим отцом был близок. Он, как и мой, погиб при исполнении служебных обязанностей. Я со своим близка не была. Даже непонятно, почему я считала, что общая с ним сфера деятельности все изменит; или, учитывая, как он вел себя большую часть моей жизни, почему я вообще думала что-то изменить. В любом случае это не сработало, и все кончено. Он ушел из своей и моей жизни.

Злясь на себя за то, что я вообще лезу в эту кроличью нору, раскладываю свои вещи на сиденье, хлопаю дверцей и завожу мотор; с ним включается и кондиционер. Полистав материалы, убеждаюсь, что книжный магазин Саммера находится неподалеку, прямо здесь, в центре города.

Уже вскоре я прибываю к месту. Красноватое солнце спускается за горизонт, затянутый знойной дымкой. Заезжаю на скудно освещенную парковку, которая, кажется, обступает строение со всех сторон. Паркуюсь со стороны, где находится входная дверь, – по центру пустующей площадки, которая дает обширный зрительный охват всей местности.

На смену дневному светилу восходит яркая белая луна, вкрадчиво освещая то, что оказывается очаровательным книжным магазинчиком. Его стены выкрашены в бирюзовый цвет, а по оштукатуренным стенам плавают изображения книг. Я просто сижу и вдумчиво созерцаю. На местах преступления мне нравится сидеть и словно вбирать их в себя. Сейчас я прорабатываю материалы дела и свои мысли. Кто-то сочтет это за бзик, но я давно доказала себе, что само нахождение в таких местах приводит к новым и важным открытиям. Подчас откровениям.

Заглушив мотор, я оглядываю душашую стены здания темноту – укрытие для всех, кто прячется поблизости; идеальная завеса для сокрытия под ней и внутри. Нет никаких сомнений, что эту тьму в своих интересах использовал и Поэт; она ему друг и пособник в совершении убийства. Под ее одеянием его никто не заметил бы. Сейчас там тоже может находиться кто угодно, а я и не в курсе.

Глава 7

Звонит сотовый, и я отрываю взгляд от темноты. На дисплее значится номер Чака.

– Что-нибудь есть?

– Я отправил тебе по имейлу зашифрованный файл с кучей случайных данных, которые могут оказаться полезными. А интереса ради еще и сделал перекрестную ссылку на связь между Робертсом и жертвой. Ничего не нашел.

У Чака с его въедливостью слово «ничего» мало что значит.

– Я пошел дальше, чем вы просили, – продолжает он, оседлывая эту мысль. – Профильтровал его семью, бывшую жену, дела в бизнесе; все, что как-то могло пересекаться с делом Саммера. Там тоже ничего.

– В папке значился некий «профессор». По нему у тебя что-нибудь есть?

– Да, я и это пробил. Тоже ни намек на связь с Саммером или Робертсом. Нет никого, кто так или иначе соответствовал бы этому званию. По крайней мере, на первый взгляд. Может, какое-то прозвище...

Прозвище – допущение интересное, но на данный момент нужно выделить реальное дело.

– Чак, знаешь что? Найди-ка там профессоров, имеющих отношение к литературе и – или – поэзии. Ты уже наверняка это сообразил, только у нас нет подробного описания.

– Чего нет, того нет. Описание я как мог сделал, оно там, в файле, только крайне расплывчатое, без отличительных признаков. По такому можно брать всех подряд.

Я смеюсь.

– Чак, спасибо тебе. И на всякий случай, если я тебе еще не говорила: ты *классный*.

– Ух ты. Приму к сведению. Шоколадку надо отрабатывать. Только чрезмерных комплиментов не надо, а то привыкну, и меня уже сложно будет обаять.

Он вешает трубку.

Я включаю верхний свет, беру папку и открываю ее непосредственно для того, зачем я сюда приехала, – вникнуть и поразмыслить. Пока я сосредотачиваюсь на людях, близких к Саммеру. Подруги у него не было. Бывшая (последняя из известных) нынче замужем и имеет детей. Ее и ее мужа Робертс допросил, а также подтвердил их алиби.

Читаю дальше и убеждаюсь, что по жизни Саммер был один как перст. Родители в прошлом году погибли в автокатастрофе. Единственная сестра жила в Огайо, откуда родом и сам Саммер. Она представила просьбу по окончании следственных действий перевезти туда его тело. Сразу после убийства она приехала в Остин, и Робертс опросил их вместе с ее мужем. Тогда же он подтвердил их алиби. Робертс был дотошен настолько, что уже получил банковские выписки на всех, о ком идет речь, на предмет наличия признаков оплаченного убийства. Исключение составлял опять же «профессор», помеченный и обведенный несколько раз.

Вот черт. Поговорить бы с Робертсом...

Через несколько страниц обнаруживаются заметки, указывающие на то, что сестра планирует продать книжный магазин. Пожелаем ей удачи. Теперь это место убийства.

Я делаю кое-какие пометки: *«Легкая мишень. Человек без семьи. А как насчет друзей?»*

Перелистываю на другую страницу. Робертс уделил внимание и этому. Опросил по меньшей мере полдюжины знакомых и поочередно исключил их на основе алиби. Работа впечатляет.

Я читаю предварительные отчеты, некоторые из них повторно. Обращает на себя внимание чистота на месте преступления. Не найдено ни посторонних волос, ни ДНК, но есть характерные отпечатки, указывающие на то, что убийца был в перчатках. Он знал, что делает, и либо его голова и тело были выбриты, либо он хорошо себя прикрывал, в том числе и голову, веро-

ятно – используя шапочку для плавания. Такой уровень мастерства указывает на опытность. Похоже, что это дело для него не первое. Я делаю еще одну пометку: «*Убивал раньше*».

Нужно найти что-нибудь о его предыдущих жертвах.

Я едва закрываю папку и кладу ее на место, как взгляд у меня случайно падает на мелькнувшую возле магазина тень. Тело напрягается и чутко замирает; от всплеска адреналина сердце бьется так, словно я вынырнула из-под воды. Выключаю свет и вглядываюсь в чернильную темноту боковой части магазина – то самое пространство, которое я считала прибежищем для убийцы. По иронии судьбы, сейчас я этого убийцу ищу. Время течет не секундами, а минутами. Все это время я выжидаю еще одного появления тени; еще одного смещения тьмы, которое все не наступает.

И я чувствую, как вокруг меня заряжается энергия. Я здесь не одна. Здесь и он, наш убийца, и я не могу – я *не позволю* ему уйти. Одна моя рука ложится на рукоятку оружия, другая тянется к двери.

Глава 8

Отец наставлял меня в свое время: «Используй свое паучье чутье. Если оно в тебе покалывает, будь настороже». Сейчас мое паучье чутье не просто покалывает. Оно гремит рок-концертом, шпаря мне по нервам. И вопреки мнению матери жажды смерти во мне нет.

Я тихо вызываю подкрепление. Но дожидаться его, сидя для безопасности в машине, непозволительно. Полицейское отделение Остина находится близко. Помощь придет быстро. Если убийца прячется поблизости и наблюдает за мной, думая, что я одна, он, скорее всего, продолжит там маячить. Однако в ту минуту, когда поймет, что это не так, он смоемся, как канавная крыса, и возможность поймать его будет упущена.

Выйдя из машины, я сразу направляю свое табельное оружие и фонарик на черный провал мрака сбоку от магазина. Кроме него, здесь нет никаких укрытий: ни деревьев, ни какого-нибудь мусорного бака или другой машины. Разве что одинокий уличный фонарь, но и он не работает, вроде той сигнализации, отключенной в ночь убийства. Я осматриваю место в поисках движения – и ничего не нахожу. От того, что я заметила, можно было бы отмахнуться, как от ветра или прошуршавшей мимо кошки, но то самое паучье чутье не позволяет мне допустить такую оплошность.

Держась на изрядном расстоянии, я делаю вид, что иду влево, и быстро срезаю в этом направлении, чтобы сразу же повернуть направо. Чертеноч внутри меня тянет свернуть за угол, прямо в тот омут мрака, что я наблюдала из своей машины, но инстинкт стопорит меня. Он вопит дожидаться подмоги и не соваться туда одной.

– Чтоб тебя, – беззвучно шевелю я губами, отступая к машине.

Но знаю: убийца здесь. Я чувствую его как плесень зла, ползущую по моей коже во вкрадчивой попытке проникнуть сквозь поры внутрь. Она охватывает меня тяжелым удушьем – точнее, не она, а *он*. Я чувствую на себе его взгляд – пристальный, обжигающий, исходящий напрямик из ада. Он может меня видеть. Я его видеть не могу. Поединок не из тех, что может кончиться для меня добром.

В нескольких метрах от меня на улицу въезжает машина, и краем глаза я замечая Лэнга. Сметки и расторопности ему хватает, чтобы бесшумно приблизиться с оружием наготове. Он уже на полпути ко мне, и я двигаюсь влево, назад к тому затенению. Он берет вправо. К его «Мустангу» подруливает еще одна патрульная машина, и в это мгновение я чувствую в воздухе резкую перемену. Чувствуется, как зло сворачивается кольцом и отступает.

Да чтоб вас всех... Мы его теряем.

Страх рассеивается, и я, срезав угол, распластываюсь по бетонной стене здания, фонариком освещая пустое пространство. Чтобы он не успел сбежать с тыла, я бегу к задней стене и после секундного колебания ныряю за угол как раз в тот момент, когда ко мне бросается Лэнг.

Всё, поздно. Убийца исчез. А во мне – безумное ощущение чего-то знакомого. Как будто это то самое зло, что я однажды уже чувствовала.

Глава 9

Вскоре после того, как мы с Лэнгом даем добро кавалерии осветить строение, книжный магазин озаряется не хуже рождественской елки. Внутри мы идем лишь убедиться, что Поэт не искал там прибежища.

Попутно затеваем разговор с несколькими полицейскими, один из которых в свое время первым прибыл на место преступления. Офицер Джексон – высокий рыжеволосый мужчина лет тридцати, всего два года как перешедший к нам на службу из армии; гора мышц с каменным выражением лица. Мне он известен по другому делу. В нем есть потенциал. Мужик толковый, и советы дает по существу.

– Стекло парадные двери заперты. Отсюда никто не проник бы и не выбрался, не разбив при этом стекла. А оно цело.

– Верно, – соглашается Лэнг. – Все внимание на задний вход.

Решение принято, и под слепящими фарами машин мы с напарником в сопровождении офицеров подходим к задней двери, которая, как и следовало ожидать, заперта. Лэнг взламывает замок и включает свет. Перед нами открываются два лестничных пролета, из которых один ведет наверх, другой – вниз. Слева находится арка, ведущая в помещение книжного магазина.

К нам присоединяется офицер Джексон.

– Держите пролеты, – распоряжается Лэнг, и с кивком Джексона мы с Лэнгом входим в магазин. Бок о бок останавливаемся прямо внутри уютного магазинчика с деревянными столами, полным баром и стеллажами книг.

– Ух ты, по элю чувак был чертовски хорошо экипирован, – завистливо бормочет Лэнг, как будто речь идет не о пиве, а о наследии мертвеца.

Я царапаю напарника хмурым взглядом и трогаюсь вперед. Далее мы разделяемся и совершаем обход, бдительно оглядывая каждый ряд книг. После первичного осмотра я более тщательно изучаю раздел поэзии – надо сказать, довольно обширный. Памятуя о стихе, оставленном во рту у жертвы, эти книги надо бы упаковать как вещдоки. Так мы и распорядимся перед уходом.

Возле арки мы снова встречаемся с Джексонсом.

– Раздел поэзии нужно оформить в вещдоки, – инструктирую я его. – Буквально все. Каждую книжку. Мое внимание переключается на Лэнга: – Ну что, готов?

Он кивком указывает на верхний этаж.

– Твое дело, тебе и книги в руки. Будешь смотреть квартиру, где произошло убийство?

– Убийство начиналось с планирования. Так что вначале спущусь в театр. Надо побывать там, где был убийца. Примерно в том порядке, какой он себе намечал.

– Хорошо. Пусть будет по-твоему. – Он смотрит на Джексона. – Армия, держи оборону.

Тот кивает, и Лэнг направляется вверх по лестнице.

С наставленным вперед оружием и фонариком я начинаю спуск по ступеням, двигаясь хорошо освещенной тропой туда, где внизу затаилось подобие черной дыры. Нервы внутри напряженно дрожат, но они же толкают меня вперед, вселяя желание избавиться от неизвестного. Возле загадочно притихшего пространства за дверью я останавливаюсь. Не исключено, что внутри кто-то может меня ждать. Отмахнувшись от этой мысли, быстро оглядываю пространство перед собой и тянусь к простенку, где легко нахожу выключатель. Едва помещение заливается светом, я нахожу именно то, что ожидала от фото с места преступления: по центру зальчика располагается круглая сцена с расставленными вокруг стульями в театральном стиле. Укрытых уголков здесь нет; нет места, где мог бы укрыться крупный мужчина. Кроме меня, здесь никого, по крайней мере сейчас.

Убийца был здесь перед тем, как убить Саммера.

Я уже знаю, какое место, по показаниям свидетелей, он здесь занимал, и иду туда, а остановившись рядом, разворачиваюсь и смотрю вниз на сцену. Находясь чуть выше, чем все остальные, он восседал здесь, как судья, и Саммер был им в чем-то обличен. Признан недостойным. Интересно, вторит ли какой-то из моих доводов мыслям Робертса? Сама тщательность его расследования не стыкуется с фактом исчезновения. Любой, кто вложил в свое дело столько труда, хотел бы, чтобы оно получило достойное развитие.

– Есть что-нибудь? – слышится от входа голос Лэнга.

– Все чисто. – Я оборачиваюсь. – А наверху?

– Тоже... Будешь смотреть квартиру?

– Сейчас иду, – говорю я, но с места не трогаюсь.

Остается еще кое-что, что мне необходимо сделать. Я сажусь на то же кресло, где сидел убийца, и вижу зал так, как мне нужно видеть его в ракурсе убийства: глазами Поэта.

Глава 10

Стула, на котором скончался Саммер, в квартире больше нет: он давно перекочевал в недра наших лабораторий. Но то место, где он находился, обнесено лентой и четко идентифицируется. Перед этой лентой я сейчас и стою в центре маленькой, но безупречно чистой квартиры с простой мебелью и запустением на книжных полках. Книги, которые некогда стройными рядами здесь стояли, теперь тоже находятся в нашей лаборатории.

Ко мне подходит Лэнг, но ничего не говорит, давая мне время обработать и высказать свои мысли. Как раз этим я сейчас и занимаюсь: заставляю свой разум проникнуть в его, разум человека, известного мне как Поэт.

– Он дождался, когда здание опустеет, и бетонные стены решили судьбу Саммера. Возможно, он стоял на этом самом месте, чувствуя себя могущественным судьей вселенского роста. Он смотрел на испуганного, голого человечешку и приветствовал его слезы, даже снисходительно позволял ему молить о милости и пощаде. Не думаю, что он этим упивался. Для него это была простая неизбежность. Саммер, по его мнению, должен был умереть. Это было необходимо: приговор уже вынесен.

– Подписываюсь подо всем этим, – соглашается Лэнг. – Но как он заставил Саммера принять таблетку? Угрозой в адрес сестры?

Я это отвергаю:

– Вряд ли он о ней даже думал. Слишком мелкая птичка, чтобы тратить на нее свое драгоценное время. Я бы поставила на пистолет, что давало ему свободу оставить руки Саммера несвязанными. Просто открытая, чистая угроза: убийца знал, что ему не придется прибегать к оружию.

Мысленно созерцая стул со скорчившейся на нем жертвой, я вычерчиваю Лэнгу профиль убийцы:

– Мне думается, на самом деле он трусоват. Приканчивать жертву собственноручно ему не хватает духа. Одновременно с этим я не поверю, что Саммер у него первый по счету. Слишком уж чистое место преступления.

– Абсолютно с тобой согласен. Саммер – далеко не единственная его жертва. Что подводит меня к тому, о чем я знаю, а ты нет.

– Это о чем же?

– О том, что уезжает, Робертс доложил только капитану, а до этого вообще никому. Он даже не примерялся к той работе в Хьюстоне. Капитан сделал это за него.

Из этих слов напрашивается с десяток разных выводов, но я решаю идти напрямик:

– И что из этого следует?

– А вот давай вернемся к тебе и тому мерзавцу, что топтался здесь сегодня вечером. Телефон Робертса не просто выключен, он даже не теплится. Не подает признаков жизни.

Я открываю рот, чтобы заговорить, но Лэнг поднимает руку:

– Постой. Просто выслушай. Робертс пропал. Никакой он не убийца. Он в беде. Ты это знаешь. И я тоже.

– Да, есть такое ощущение.

– И это дело было для него последним, – продолжает он. – Теперь оно твое. И вот мой вопрос, который чертовски важен, так что слушай внимательно. Если убийца был здесь сегодня вечером, – это *ты* на него наткнулась, или *он* следовал за тобой?

Глава 11

Я сижу в кафе напротив квартиры детектива Джаз и смотрю, как ее «Форд Фокус» въезжает в гараж. Ей известно, что сегодня вечером я был там. Она уже примеряется к роли моей протеже и тем самым оправдывает все, что я сделал для нашего сближения.

Человек, которого она и ее окружение знали как детектива Робертса, должен был уйти. Его уход был необходим, а значит, неизбежен. Он и его личность стали жертвенным агнцем ради великого дела. Между мной и ней стоял он, и этого просто не могло не произойти. Чтобы избавиться от него должным образом, потребовалось весьма непростое ухищрение, но оно было необходимо. Мне надо было удостовериться, чтобы он просто пропал, исчез и в конце концов, как все обычные люди, канул в забвение. Разумеется, я позаботился о том, чтобы его досье оказалось замарано, подробности чего вскоре вскроются. Детали, которые заставят его выглядеть так, будто он ужасно согрешил и опозорил свои полицейские погоны, а потому, по всей видимости, сбежал, чтобы не понести наказания.

Переход в черное гарантировал также и то, что в это дело не станет вмешиваться ФБР. И хотя меня весьма позабавили бы их попытки размять свои дряблые мускулы, но потенциально они могли устранить из головоломки детектива Джаз. А это не вариант.

Детектив Джаз должна готовиться к будущему. Ее нужно научить тому, как настроиться на роль будущего Мастера – как я поступил со своим предшественником. Она должна научиться оберегать стихи, что являются Библией нашего мира. Научиться карать тех, кто проявляет к этой Библии непочтительность. Время пришло, и я вполне наслаждаюсь своим наставничеством.

Мои губы чуть кривятся в улыбке, и я делаю глоток кофе. Полагаю, я присоединюсь к ней на ее утренней пробежке.

Глава 12

Когда убийства – твоя забота, необходимо изыскать способ от нее обособливаться, иначе можно легко двинуться рассудком. Для меня это означает, что я щелкаю в своем сознании неким выключателем. Обычно это происходит мгновенно, при входе в подъезд и подъеме по лестнице к квартире. Но сегодня вечером такого не происходит. Можно винить Лэнга с его параноидальностью – дескать, Поэт меня преследует, – но правда в том, что мой маленький трюк стал давать сбои с той ночи, когда был убит отец.

Я подхожу к своей двери, захожу внутрь и запираюсь, но вдруг прислоняюсь к ней спиной и одеревенело замираю. Затем усилием воли пытаюсь рассеять напряжение, которое я обычно оставляю снаружи, на лестничной площадке. Это моя безопасная гавань, мой ретрит – квартира, которую семь лет назад, когда я стала детективом, убедил меня купить мой дедушка. Умняга-прозорливец, пока его не накрыла деменция, он говорил, что новое жилье в центре города скоро удвоится в цене. Оно учетверилось. Теперь у меня вместо ничего есть кое-что, хотя по мне, так уж лучше б снова был цел и невредим рассудком мой дедушка.

Я стою еще с минуту и решаю, что все это неспроста, происходит по определенной причине, и причина эта – Поэт. Не знаю, крался ли он за мной по пятам этим вечером, но он у меня буквально под кожей. А еще я не могу избавиться от странного ощущения зла, которое кажется мне знакомым. Настолько, что я иду у ощущения на поводу и обшариваю свою квартиру, благо времени это особо не занимает. Жилая зона у меня совмещена с кухней, есть еще отдельная спальня – комнатка в стиле лофта наверху – и ванная.

Убедившись, что я все же одна, приготавливаю ужин. То есть размещаюсь со своей папкой на диване в обнимку с чашкой попкорна и бокалом красного вина (у меня в фаворе одна и та же марка). Идея что-нибудь реально съесть под сериал как-то не катит. А вот пистолет, зачем-то положенный рядом на стол, – другое дело.

Не успеваю я вторично пригубить вино за этот пока еще неизрасходованный вечер, как у меня звонит сотовый. Лэнг.

– Ты дома?

– Да, папа Лэнг, ты угадал. Ведь я детектив по кличке Круть и могу о себе позаботиться. А если понадобится, – добавляю я, – то и надрать тебе задницу.

– Может, мне подъехать, и ты попробуешь?

Я скидываю туфли на каблуках, которые невеста почему до сих пор у меня на ногах. Еще одна манифестация «женской силы». Я могу в них бегать и при необходимости вполне эффективно применять их в качестве оружия; более того, могу констатировать, что это вполне отработанный навык.

– Давай, иди на свой зов плоти, – усмехаюсь я и кладу трубку.

Сделав еще глоток, задумываюсь, не позвонить ли маме. У нас с ней какое-то странное противостояние. Понятно, что с моей стороны это несправедливо, но самоанализа хватает понять, почему. Она затягивает меня в ту глубокую, многосложную лужу горя, что затуманивает мне разум и пагубно сказывается на работоспособности.

Ограничусь пока эсэмэской. *«Мамуля, я тебя люблю. Со мной все в порядке. Работаю над делом. Завтра перезвоню. Обещаю».*

– Вот так, – бормочу я себе под нос. – Ты можешь разгуливать по улице на своих высоких каблуках и говорить маме, что любишь ее, и все это в один и тот же вечер. Значит, ты во всеоружии.

Последние слова будто отзываются эхом. *«Ты во всеоружии».* Мне действительно нельзя бездействовать перед лицом страха, иначе я не смогу выполнять свою работу. Которая видится мне моей целью. Так было, насколько я помню, с детства. Делаю глоток вина и отставляю бокал.

– Ладно.

Сбрасываю куртку, думая приступить к делу. Мама отвечает на мое сообщение: *«Я тоже тебя люблю, милая. Спасибо, что дала мне знать, что с тобой все в порядке. А то волнуюсь»*.

Чувство вины пронзает меня, но не придает сил. Можно быть дочерью и получше. Я это знаю. Ничего, я все исправлю. Позвоню ей утром, как обещала.

Из сумки я достаю папку с делом и кладу ее перед собой. Затем беру блокнот и ручку, записывая все свои последние наблюдения. На фразе «Это убийство у него не первое» задумчиво постукиваю ручкой по блокноту. Слова требуют подкрепления фактами. Я начинаю с загрузки отчетов, присланных Чаком, и мое внимание сразу переключается на список профессоров, преподавателей и инструкторов в городе и штате, которые преподают литературу. Чак пошел на то, чтобы разветвить список и на основе случайных критериев сузить круг возможных подозреваемых. В него, разумеется, входят и посетители того поэтического вечера. К счастью, это сужает список от тысяч до сравнительно короткого перечня, но нужно его сделать еще короче. По данным Чака, в кампусе Техасского университета тоже есть поэтический клуб, но о том, кто им руководит, у нас нет данных. А ведь их, этих клубов, может оказаться немало. И помоги мне, Господи: завтра Чак нырнет в поэтические/книжные клубы за пределами кампуса. Что может раздуть список до бесконечности.

Я двигаюсь дальше, пытаюсь нащупать более короткий маршрут к ключам подсказки. Например, перечень телефонных звонков Саммера. Чак дал мне подробную информацию о каждом, с кем тот общался. Чак, ты просто золото: клянусь, для такого, как ты, не жалко и миллиона шоколадных плиток. Все свои дела Саммер решал по мобильному, но ни один из присутствовавших на том вечере в его журнале звонков не отмечен. Я просматриваю поток данных, и, как всегда на этом этапе, он кажется поистине неохватным.

У убийцы эта жертва не первая. И он убьет снова. Я это знаю.

Я чувствую это.

Чувствую абсолютную необходимость сократить время и предпринять действия, которые обычно не предпринимаешь; почти как тикающие часы на бомбе. И известно почему. Муж, убивающий свою жену цианидом, – это скверно. Убивающий цианидом серийщик – просто жутко. У его жертв не бывает шансов выжить.

Серийный убийца? Черт побери. От его рук установлена смерть всего одного человека. Убийца одной жертвы на серийщика не тянет, тогда зачем я туда иду? Откуда уверенность, что это именно то, с чем мы обычно имеем дело?

Мыслями я возвращаюсь к сегодняшней парковке; к тому моменту, когда почувствовала, что зло пытается проникнуть прямо в мою душу. До того момента, когда оно показалось мне чем-то знакомым. Я обдумываю быстрое исчезновение Робертса и возможную связь, которую он имел с неблагоприятными деяниями моего отца. Пришло время подумать о том, что это дело каким-то образом связано со мной через него.

Глава 13

Я шлю эсэмэску Чаку и прошу его сопоставить дела моего отца с моими и Робертса, а также со всем, что связано с делом Саммера. Сообщение я шлю потому, что не люблю говорить о своем отце вслух. После отправки, чуть подумав, набираю по автодозвону номер Уэйда Миллера, агента ФБР в удаленном офисе Остина. В данную минуту мне полезен не только он как агент, но и то, как мы с ним познакомились и как Уэйд стал моим «бывшим», – тем, кто вполне мог стать для меня идеальным, но так и не состоялся в этом качестве.

– Сэм? Ого. Привет! – Он берет трубку на первом же гудке. Это то, что я в нем исконно ценю. На него можно опереться. – У тебя личное или служебное?

Ответ я даю не сразу. Этот человек, надо сказать, был рядом со мной – ну вот *действительно* рядом со мной во всех отношениях, – когда погиб мой отец. В тот момент я просто эмоционально не была способна наводить с ним мосты. Не знаю, удастся ли это нам когда-нибудь снова, но мы с ним не враги. И состоим не только в деловых отношениях. Мы *друзья*.

– А если и то, и это? – интересуюсь я. – Так разве нельзя?

– Ты требуешь поблажек.

– Я – да. Только сейчас в отношении меня это звучит как грязный намек.

– Не имею ничего против, хотя мы оба понимаем, что подтекст здесь несколько иной.

Он не дает своей ремарке времени показаться неуклюжей. Да я бы так и не сочла. Трудно объяснить почему, но из уст кого-то другого я восприняла бы это как пошлость. Просто вот так, а не иначе. Такие уж мы с Уэйдом: в борьбе с преступностью, на фильмах ужасов и в наших случайных вылазках в китайские рестораны мы с ним во всем единодушны. И сейчас он подтверждает это, говоря:

– Помогу, куда я денусь. Что там у тебя?

– Дело на вид больше, чем оно есть.

– Есть какие-то образцы ДНК?

Мне нравится, что ему не нужно объяснять, в чем суть этого «больше, чем оно само». Он все понимает. И знает, на что я намекаю.

– Нет, – отвечаю я. – *Пока* нет. От роду делу всего три дня, и мне оно перешло от детектива, который внезапно исчез. Вот я и подумала, что ты мог бы помочь мне преодолеть бюрократическую волокиту и быстро получить то, что мне крайне нужно.

– Его исчезновение как-то с этим связано? – В голосе Уэйда теперь сквозит беспокойство. Угрозы своим правоохранным органам воспринимают всерьез. – Сэм, что ты сейчас конкретно раскапываешь?

– Детектив, который занимался этим делом до меня, вдруг резко попросил о переводе в Хьюстон. А потом его телефон оказался намертво отключен. Может показаться странным, но над этим делом он успел поработать хорошо. А вот анализ ДНК реально пропустил.

– Ты думаешь, это было намеренно?

– Учитывая, насколько усердно он работал во всех других направлениях, я все же сказала бы «нет». Но, несмотря на все старания, вложенные в это дело, он даже не удосужился проинструктировать меня, как и что.

– Проблема могла быть личной. Супружеская неверность. Большой родственник. Что-нибудь из этого соотносится?

– Пока не знаю. Лэнг пытается его отследить и внести общую ясность. Шеф, похоже, не обеспокоен, хотя это было до того, как мы узнали об отключении телефона. А детективу, о котором идет речь, на появление в Хьюстоне отведено две недели – время, за которое многое что может произойти.

– Ну а ты что об этом думаешь? – спрашивает Уэйд.

– А то, что мне нужно опередить криминалистов и убедиться, что про того, с кем я имею дело, мне известно по максимуму. И здесь есть хорошая новость: Робертс – тот самый детектив, который пропал – собрал массу необходимых данных, в которых я уже копаюсь.

– У Робертса есть семья или какие-нибудь друзья в Хьюстоне?

– Вряд ли. Разве что какой-нибудь неучтенный друг, новая женщина или давно потерянная кузина... Его бывшая жена здесь. Родители умерли. Мы, кстати, побывали у него дома. Там все вычищено, что должно, казалось бы, наводить на мысли насчет умышленных действий, только это все не так.

Уэйд на секунду умолкает.

– Сэм...

– Нет, – говорю я, легко читая его мысли. – К неблагоприятным делам моего отца это не имеет отношения, хотя они были друзьями. Этого я отрицать не могу.

Я также опускаю ту часть, где убийца чувствуется мне странно знакомым, а также мои мысли о том, что он как-то связан с отцом. Все, что связано с моим отцом, приведет Уэйда к моему порогу.

Сказать по правде, после смерти моего отца Уэйд с Лэнгом целых две недели душили меня так, что я наконец не выдержала. Мне необходимо было пространство, пока я окончательно не забыла, что являюсь крутой штучкой с оружием и мозгами, которыми я знаю как пользоваться, и делаю это толково.

– Я сделаю кое-какие звонки, – обещает он. – Наведу справки, не собиралось ли на Робертса что-нибудь обрушиться.

– Спасибо тебе. – Я отхлебываю вина и ставлю бокал на стол. – Теперь другое, тоже о деле. Мне думается, что тот тип уже убивал раньше и продолжает этим заниматься.

– Основания?

– Место преступления было чистым до скрипа. Ты вот спрашивал о ДНК. Думаю, что шансы на обнаружение образцов у нас минимальны.

– А что все-таки есть?

– Отпечаток перчатки, который, как мы оба знаем, ни о чем. Еще есть крайне туманное описание. Ну и стихотворение, которое убийца засунул жертве в рот.

– Стихотворение? – оживает Уэйд. – Тогда понятно, почему дело приземлилось на стол именно тебе... И что там за поэзия?

– Это вопрос субъективный, но в целом касается судьбы.

– Уж не история ли отношений убийцы и жертвы?

– Нет, – быстро отвечаю я, – вряд ли. Этот субъект, вероятно, возомнил себя Богом. А свою жертву счел недостойной жизни, оскорблением для всех живущих. Только пока затрудняюсь сказать, почему.

– Ну что ж. – Уэйд не спрашивает, что меня привело к такому выводу. – А причина смерти?

– Яд. С подобным я уже сталкивалась. Уверена, что тест в лаборатории выявит наличие цианида.

Слышно, как он шуршит карандашом по блокноту.

– Я посмотрю, есть ли у меня какие-нибудь зацепки по цианиду, и перезвоню парню, которого знаю по АТФ³. А ты пришли мне все, что только можешь подогнать. Я проверю данные ВИКАП⁴ и посмотрю, сможем ли мы его там найти: вдруг он прячется где-нибудь за границей штата.

– Ты, случайно, не экстрасенс? Читаешь мои мысли... Да, и еще кое-что.

---

³ АТФ – федеральное бюро алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ.

⁴ ВИКАП – общенациональная программа США, связанная с отслеживанием серийных убийц.

– Тебе нужен профиль.

Я улыбаюсь: насколько мы все же состроены в унисон!

– Да. В десятку.

– А сама его составить ты не пробовала? – интересуется Уэйд. – Ты же в тренинг-центре ФБР несколько месяцев провела. Так круто себя показала, что все хотели тебя заполучить.

Кстати сказать, именно так мы с Уэйдом по-настоящему и познакомились. ФБР послало его, чтобы он попытался меня завербовать. Там думали, что мой «вылет» из колледжа был ошибкой молодости. Многие из того, ради чего я последовала за своим отцом, обратилось в пресловутые грабли, наступать на которые повторно я не собираюсь – ни сейчас, ни когда-либо впредь.

Перехожу к тому, что мне известно:

– Поэт: организованный убийца, планировщик. Тонкий интеллектual. Достойная работа. Таким типажам нравится создавать видимость стабильности, и они нередко предстают в кругу семьи, которой прикрываются как ширмой, порой даже убеждая себя в своей нормальности. На бумаге ничего из этого нет. Но я чувствую, что в данном случае у меня нет права на ошибку.

– Ты сказала «Поэт»?

– Да, так я его называю.

– Как бы ни называла, ты в самом деле думаешь, что он серийщик?

– Я это *знаю*. Нам просто нужно докопаться до его жертв.

– Я составлю его профиль ради твоего душевного спокойствия.

– Спасибо, Уэйд, – говорю я с благодарностью.

– Благодарю тебя тем, что будешь осторожна. Если этот утырок оприходовал Робертса, теоретически ты можешь быть следующей.

– Если Робертс под него подпадал, то я – нет.

– *Осторожно*, детектив Джаз, – с суровой тревогой произносит Уэйд, используя свою служебную интонацию для того, чтобы подчеркнуть серьезность дела.

– Всенепременно, агент Миллер. Я же не просто так звоню. Мне нужно добраться до него прежде, чем у него появится шанс добраться до меня.

Через несколько секунд мы заканчиваем разговор, и я открываю сборник стихов, который Чак скомпилировал для меня на моем «Макбуке». Взгляд магнитит оставленное Поэтом стихотворение под названием «Судьба/Шут». Послание может содержаться в этих нескольких строках или в другой строфе внутри стиха. Медленно, одну за другой, я прочитываю все восемь строф, анализируя каждую, но затем возвращаюсь к четверостишию, которое он оставил во рту у Саммера:

Кто смеется в зубах у ненастья,
Тем не менее чая сквозь тьму
Отыскать среди звезд тропку счастья,
Где б Хозяин явился ему.

Хозяин... Господин. Утверждение, явно подразумевающее превосходство... Мои прежние мысли внезапно обретают четкость. Очертания. Поэт считал Саммера ниже себя, *под* собой. Возможно, он считает под собой нас всех. Себя он полагает выше закона, и это опасно для тех, кто вступает с ним в контакт.

А значит, мне нужно стать опасной для него, причем как можно быстрее.

Глава 14

После звонка Уэйду я доливаю свой бокал, позволяю себе еще один пакет попкорна и приступаю к следующей большой проблеме – как сузить подход к бесформенной куче данных, которые мне накидали. Размышление, как быть, возвращает меня в подростковые годы, когда я часами торчала за столом вместе со своим отцом и крестным, ныне шефом полиции, роясь в их папках с делами. Изначально они пытались оградить меня от ужасов, живописуемых в тех папках, но в конце концов сдались перед моей настойчивостью. Я стала их протее, и оба они наставляли меня, чтобы я не терялась в ворохе данных, спускаемых по каждому делу, и подчеркивали важность выбора наиболее оптимальных ракурсов, на которых следует сосредоточиться. Самое главное – выработать свою *методу*, какой бы она ни была, и ревностно ее практиковать.

Скажем, для меня это составление списков старомодным дедовским способом, посредством ручки и бумаги. Лэнга это сводит с ума – вероятно, потому, что его метода состоит в бесцеремонном прошибании всех и вся, кто стоит между ним и раскрытием дела. Каждому свое, но мои списки помогли изловить далеко не одного убийцу.

И потому я делаю то, чему меня учили; то, что у меня срабатывало из раза в раз: уже несколько часов сижу на диване, разбираясь в огромной информационной свалке, которую швырнул мне Чак, пытаюсь отыскать в подборке важные фрагменты. Меня окружают листы пометок, списки намеченных дел и план штурма этой тайны.

История и опыт внушают, что Поэт жаждет внимания; в противном случае он просто исчез бы, не оставив правоохранителям послание для расшифровки. К сожалению, я даю ему то, чего он, по всей видимости, хочет: поднимаюсь в свою спальню с видом на гостиную, со своим «Киндлом» и подборкой присланных Чаком стихов. Здесь, приткнув подушку к изголовью кровати, устраиваюсь под пуховым одеялом (наверху что-то прохладно) и читаю, заедая свое занятие изрядной порцией шоколада. Я нередко задаюсь вопросом, едят ли шоколад серийщики, и ответ напрашивается один и тот же: нет, не едят, и в этом корень их проблем.

Где-то к середине своих исследований я успеваю набросать еще одну страницу заметок, заполненную всевозможными интерпретациями слов, что струятся у меня перед глазами. Поэзия нередко представляет собой довольно таинственное, глубокое погружение, а моя интерпретация истории нередко помогала мне выявлять место преступления. Однако я не чувствую, что избранных слов Поэта мне достаточно, чтобы составить подлинную историю.

Выключив наконец свет, я напряженно вглядываюсь в темноту. За стеной в соседней комнате несколько раз громко стучит машина для льда, в то время как у меня в голове так же громко стучит Поэт. Робертс прозвал его Профессором, в то время как я называю его Поэтом. Скорее всего, это означает, что Робертс ощущал его профессором или же просто взял прозвище наобум, как я, для своей собственной мыслительной обработки. Поверить, что он – настоящий профессор, было бы слишком узколобо. *Очевидное* предположение – верный способ, что тебя перехитрят. И все же, по иронии, я чувствую, что упускаю нечто очевидное.

Закрываю глаза и уплываю в сон со стихотворением, которое Поэт оставил в моей голове:

Кто смеется в зубах у ненастья,
Тем не менее чая сквозь тьму
Отыскать среди звезд тропку счастья,
Где б Хозяин явился ему.

Глава 15

Я просыпаюсь под желтоватым солнечным лучом и под гнетом того же треклятого стихотворения, что, оказывается, накрепко засело у меня в голове. В комнате пронзительно холодно, а в голове какая-то судорожная неразбериха из обрывков того самого дела. Расстроенная неспособностью превратить ее в сколь-либо внятную мысль, я уповаю на пробежку, которая прочистит мне голову, и смотрю на свои часики «Эппл». Убедившись, что сейчас всего семь утра – еще можно избежать палящего зноя, – натягиваю леггинсы, майку и кроссовки.

Некоторые копы, чтобы выбраться из своего ада, имеют привычку напиваться в хлам, но для меня бокал вина (ну ладно, два, как прошлой ночью) – это и норма, и граница. Тому есть причина. Выпив, я глупею. А глупость – хороший способ закончить жизнь до срока. Остаются бег, карате и спортзал. Я ненавижу копов разъявшихся и жирных. Возможно, это ментальность, унаследованная от отца, но я ее придерживаюсь. Дело здесь не в том, чтобы стыдиться своего тела или осуждать его. А в том, чтобы оставаться в живых ради своей семьи. И быть в форме достаточно, чтобы спасти невинную жизнь. Ибо любое преимущество, которое в тебе есть – или нет, – может стоить кому-то жизни. Но иногда иметь даже все возможные человеческие преимущества недостаточно, что доказывает убийство моего отца.

Снова чувствуя укол противоречивых эмоций, я сую во внутренний кармашек леггинсов кредитку, чтобы по дороге домой взять кофе. Эта пробежка мне очень нужна. Ну просто необходима.

С мобильником в руке я спешу вниз по лестнице, пересекаю жилую зону и хватаю с углового столика ключи. Из квартиры выхожу в коридор, который, по счастью, ни с кем не разделяю, а из него – на лестничную площадку. Оттуда слетаю вниз, двигаясь быстро в надежде ни с кем не пересечься, по крайней мере – перед моей утренней пробежкой. Не то чтобы я не люблю людей. Вполне себе люблю. Просто люди с правоохранителями ведут себя странно – чего-то ерзают, волнуются, – а мне как раз сейчас не нужно отвлекаться, чтобы они невольно вспоминали, кто я такая. Нужно побыть наедине с собой.

Я выхожу под влажноватое августовское утро. Солнце уже начинает припекать, ложась мне на плечи незримым гнетом, будто сопряженным с убийством. Я перехожу на разминочный шаг, думая найти в телефоне свой беговой плей-лист, но непроизвольно жму иконку «Аудиокниги» и разыскиваю рубрику поэзии. Внутри раскрывается список произведений, в том числе и Гитермана. Я включаю звук и начинаю пробежку.

Пробегаю уже километра полтора, как вдруг на словах про «звездную тропу» замираю как вкопанная. Из наушников они перетекают мне в голову. *«Отыскать среди звезд тропку счастья, где б Господь повстречался ему»*. Я ставлю звук на паузу, и очевидная интерпретация этого стихотворения, которое я уже изучила, теперь становится предельно ясной: это дорога среди звезд к Богу. Что лишь подтверждает мои предыдущие выводы. Убийца не просто считает свою жертву ниже себя, но и почитает себя за божество. Или небожителя. Ну а когда ты думаешь, что ты – Бог, то естественным образом считаешь себя неприкосновенным. В конце концов, он действительно может быть профессором – спесивым интеллектуалом, уверенным, что найти его мы, может, и сумеем, а вот поймать – никак.

Мыслями я возвращаюсь к Робертсу. Доказал ли он, что убийца ошибался? Может, подошел слишком близко и отодвинулся чересчур медленно?

Глава 16

Свою пробежку я заканчиваю с чувством странной сосущей тревоги, которую не могу внятно объяснить. Вместе с тем по дороге в участок решаю заехать в университет и выяснить, кто там руководит тем самым поэтическим клубом. Со все еще звенящей в ушах аудиокнигой захожу в кофейню и становлюсь в очередь из пяти человек. Оттуда машу за стойку Дэйву, студенту-медику лет двадцати пяти, с которым мы на короткой ноге, хотя общаемся нечасто. Он хватает стакан и надписывает сбоку мой заказ, с улыбкой показывая, что все схвачено, после чего обслуживает очередного клиента.

Я губами озвучиваю слова благодарности и продолжаю слушать свою аудиокнигу, а когда делаю шаг вперед, то вдруг ощущаю позвоночником ледяное покалывание, как от того уже знакомого зла. Какое-то безумие... Поэта здесь нет. Иначе это означало бы, что он прошлым вечером следовал за мной до дома.

От осознания этого у меня пересыхает во рту. Я украдкой бросаю взгляд на заставленный деревянными столиками интерьер, где за своим кофе сидят и блаженствуют десятка два человек разных возрастов, манер и внешности. Чего я не вижу, так это мужчины с темными волосами, хотя реальность такова, что на поэтические чтения Поэт вполне мог нацеплять и парик. Я начинаю более внимательно изучать каждого из посетителей, и в эту секунду кто-то сзади трогает меня за плечо. Я рывком оборачиваюсь и вижу женщину, учтиво указывающую на прилавок. Оказывается, очередь продвинулась, и я теперь в ней первая.

Спешно извинившись, подхожу к стойке. Дэйв мне что-то говорит, но из-за все еще звучащей в ушах аудио-книги я его не слышу. Нервно вожусь со своим смартфоном и, как назло, умудряюсь нажать не ту кнопку. Стихи на громкости выплескиваются из динамика прямо на Дэйва, а вместе с ним – на всех, кто ждет своих заказов в очереди и сидит за столиками.

Повторным нажатием кнопки я обрубаю звук.

– Ой, извини. – Достаю кредитку и протягиваю ее Дэйву.

– Поэзия? – с улыбкой спрашивает тот, обрабатывая мой заказ.

– Слова для души, – машинально повторяю я прическу своих студенческих лет, когда руководила пен-клубом, который был моим детищем лишь потому, что я не отличалась прилежанием в колледже. Руководство клубом куратор вменил мне как наказание с шансом исправиться, но для меня оно, наоборот, оказалось отдушиной. Загадки в стихах интриговали меня и создавали живую связь с моим дедушкой, который не жалел бесчисленных часов, помогая мне с подготовкой к собраниям клуба.

– Для души? – Дэйв насмешливо фыркает. – Больше похоже на белиберду из слов, смелых в кучу: по отдельности ничего не значат, но в совокупности для каждого свои.

– Приобретенный вкус, – соглашаюсь я, принимая обратно карточку. – Вполне сравнимо с анализом прихотей чьего-нибудь кишечника: как раз то, что врачи делают за деньги. Между прочим, залог твоей будущей профессии.

Дэйв смеется:

– Попала в самую точку. Приятно отдохнуть, Сэм.

– И тебе, Дэйв.

Я трогаюсь дальше вдоль стойки, а бариста за ней подает мне мой стакан.

На этом я обычно ухожу, но сегодня решаю занять здесь единственное свободное место. Оно оказывается удачно расположено в углу, с обзором всей кофейни. Если Поэт здесь и может сейчас меня видеть, я тоже хочу его лицезреть.

Я потягиваю кофе, который сегодня на редкость хорош, а сама разглядываю людей в помещении: парочка вечноулыбчивых японцев; двое парней в костюмах, спорящих над каким-то документом перед ними; троица подростков в бейсболках задом наперед; мужчина с выющи-

мися светло-каштановыми волосами, сидящий ко мне в профиль на другой стороне кофейни. Что-то в его облике меня цепляет. А еще какой-то лысый тип рядом с красивой блондинкой в нарядном розовом платье. Лысость объясняла бы отсутствие ДНК на месте преступления. Этот человек, возможно, привлек бы мое внимание, если б не одно обстоятельство: его внимание целиком направлено на блондинку – точнее, ее бюст. Здесь он определенно не ради меня.

Это все, что я успеваю сделать, прежде чем звонит мой сотовый. Мать-перемать, кто там еще... Я скидываю звонок и начинаю снимать кофейню на видео, не стесняясь и не торопясь. Да, такая вот я дерзкая, когда на кону стоят людские жизни.

Отснятое я сбрасываю Чаку с пояснением, что это такое, и, заручившись от него сигналом о получении, встаю. Попутно бросаю в мусорку пустой стакан и обнаруживаю, что все еще не могу как следует рассмотреть того кудрявого. В поисках лучшего ракурса начинаю медленно, ровной поступью продвигаться к двери и мимо него. С неожиданной резкостью он встает и поворачивается ко мне спиной, эффективно и как будто намеренно блокируя мне обзор.

Я разворачиваюсь и смотрю, как он направляется к урне возле стойки. Рослый, лет сорока с небольшим, то есть не молодой, но и не старый. Дать ему уйти, не выяснив, кто он такой, я не позволю.

Спешу за ним следом, хватаю за руку и спрашиваю, словно обозналась:

– Джо?

Он оборачивается, демонстрируя красный шрам на лице, больше похожий на родимое пятно, чем на свежую травму.

– Нет. Извините. Вы меня с кем-то спутали.

Он и вправду не тот. По крайней мере, не тот человек, которого свидетели видели на поэтическом вечере, – ведь никто из них не упомянул о шраме. Хотя шрам можно было скрыть под слоем макияжа, а сидел он на самых задах театра, где освещение тусклое...

– Вы не напомните, как вас зовут? – упорствую я. – Лицо что-то знакомое.

– Забыть меня не так-то легко. – Его лицо напрягается, и он отводит глаза, прежде чем снова встречается с моими. Тень смущения в его взгляде выказывает подоплеку: он говорит о шраме. – Вообще-то я Джесс-си Роу.

Джесси Роу... Теперь я вижу: совсем нормальный и никакой не злыдень. Глупое наблюдение, не имеющее фактической ценности, но нутром я чувую, что непременно узнала бы, если б он был *тем самым*. Моя рука, все это время не отпускавшая его, падает вниз.

– Обозналась... Извините, что побеспокоила. Хорошего дня.

Я отворачиваюсь и выхожу из кофейни, но со спокойствием не бóльшим, чем когда усаживалась за столик. Либо я после гибели отца стала параноиком и выхожу за рамки разумного, либо мои трепещущие паучьи чувства верны и Поэт здесь. И мне ненавистна та неуверенность, которая порождается этой мыслью. Никогда, никогда еще я не сомневалась в своих инстинктах – и вот нá тебе. *Сомнение*. Еще чего не хватало... Допускать к себе сомнения я не могу, потому что Поэт, черт возьми, сомнений в себе наверняка не испытывает.

Глава 17

Я сбрасываю Чаку сообщение насчет Джесси Роу с просьбой максимально быстро собрать на него информацию, после чего перехожу улицу и сажусь на скамейку, где собираюсь немного понаблюдать за людьми. Чак подтверждает получение и гриф срочности. Хочу написать еще и Лэнгу, но тут опять звонит мама, и на этот раз я отвечаю:

– Привет, мам.

– Ну наконец-то... Милая, как приятно тебя слышать!

Искренняя радость в ее голосе колет меня в самое сердце. Какая я все-таки стерва, что избегаю ее...

– Извини, что не отзвонилась. С головой ушла в работу. Как ты там? Как дела в целом?

– Трудно. Все еще очень тяжело... Ну а про себя что могу сказать? Загружена у себя в больнице. И даже хорошо, что вернулась к работе.

В больнице она работает администратором, который что ни день сталкивается со смертью. Мне действительно нужно быть с ней бережней.

– Лучше поговорить с тобой прямо сейчас, – добавляет мама. – Твои бабушка с дедушкой тоже были бы рады тебя видеть.

«Вот только дедушка уже не помнит, как меня зовут», – с болью думаю я.

– Вот было бы хорошо, если б ты поскорее приехала нас навестить...

Что сейчас реально исключено.

«Вот только дедушка не помнит моего имени», – сокрушенно думаю я.

Последнее, чего я хочу, так это засветить перед Поэтом мою семью. Что оставляет мне два варианта: честность – или же причинить матери боль еще более сильную, чем я уже причиняла ей своим молчанием. Я выбираю честность:

– Мам... Прямо сейчас я работаю над одним деликатным делом. Пытаюсь изловить кое-кого, кто, по моим прикидкам, скоро снова кого-нибудь убьет.

– Боже мой... Я вижу, ты снова нырнула в свои дела.

– Получается так, – откликаюсь я, наблюдая, как из кафе отчаливает тот лысик под руку со своей куклой.

– На самом деле это здорово, мам, – говорю я в продолжение сказанного. – Мне это было нужно. Видимо, так же, как и тебе, – перестать чувствовать страх. Эти монстры не заставят нас трястись под одеялом.

– Даже не знаю, как ты всем этим занимаешься. Ведь ты была *там*, рядом с ним...

Но там не была она, и, наверное, проблема частично в этом. Ее разум продолжает пытаться представить тот ужас, а затем отрицать, что он реален. Отец умер у меня на руках. Для меня никакого отрицания нет.

– Когда это произойдет, мы с тобой отпразднуем, потому что ты пустила меня в этот мир, а я пресекла новое убийство. Потому что ты помогла его остановить.

– Так вот в чем все дело? Не давать плохим парням вредить людям?

– Да, это так.

– Твой отец занимался этим всю свою жизнь.

Внутри меня начинает подниматься гнев; я сбиваю его, как сбивают с себя огонь.

Мимо пробегает мужчина в едко-зеленых кроссовках и бейсболке того типа, что впитывают пот; козырек закрывает лицо. Двое в пиджаках, что спорили в кафе над документом, выходят и сердито расходятся, а рядом со мной усаживается пожилая женщина, прямо под вой проносившейся мимо сирены.

– Ой-ей, как громко... Ты где?

– Да тут, на пробежке.

– Будь *предельно* осторожна. Еще совсем рано, в центре может быть опасно. У тебя есть с собой баллончик?

– Мам, разговор был о том, что я – детектив, отслеживающий плохих парней. Ты уже об этом забыла?

– Ох, да в этом ли дело? Ты же просто горишь желанием умереть. *Баллончик у тебя с собой?*

Не берусь даже гадать, почему мысль о газовом баллончике дает ей некоторое успокоение, как будто кто-то при желании не может меня просто застрелить, как моего отца.

И я говорю то, что ей хочется слышать прямо сейчас:

– Он всегда со мной, на цепочке для ключей.

– Вот и хорошо. Я тебя люблю.

– И я тебя.

– Звони. Не заставляй меня тебе трезвонить.

– Хорошо, – обещаю я.

Мы рассоединяемся. Я сижу, а ко мне в голову лезут непрошенные мысли и образы из давно минувшего прошлого, где я, девочка-подросток, сижу съжившись в шкафу.

Я прижимаю колени к груди и молча молюсь, чтобы прекратились крики, чтобы слезы моей матери высохли. Меня, как током, встряхивает звук чего-то жгуче-хлесткого, после чего тяжело хлопает входная дверь. Дальше – тишина, и я боюсь надеяться, что все позади. Ведь иногда все начинается сначала. Секунды тикают, как часы; наконец дверь шкафа открывается, и передо мной на колени опускается моя мать; один глаз у нее заплаыл.

– *Мамочка!* – кричу я, обвивая ее ручонками, а затем испуганно отстраняюсь. – Он – чудовище!

– *Нет, детка.* – Ее руки бережно опускаются на мои. – Ты не так все понимаешь. Он – герой, который их ловит. И иногда эти чудовища вступают ему в голову...

Я стряхиваю гнев, смешанный с давним воспоминанием. В это время в кафе входят сразу несколько человек, а наружу показывается тот человек со шрамом. Я за ним не слежу – это не Поэт. Рядом женщина бросает кусочки хлеба голубю (та же крыса, только с крыльями), и три упитанных птицы спешат к нашей скамейке.

Я встаю. Бегун в попугайских кроссовках снова трусит мимо, и на этот раз мой взгляд кочует за ним. Эта улица всегда людная, и бегуны по ней проносятся в том или другом направлении. Повторно они не возвращаются. Волоски у меня на руках встают дыбом. Он уже близится к перекрестку, когда я бросаюсь следом. Расстояние между нами быстро сокращается, но от светофора валит густая группа пешеходов, заставляя меня тормозить и лавировать.

К тому времени как я одолеваю эту преграду, он успевает скрыться. Я бегу вперед и останавливаюсь на перекрестке, лихорадочно озираясь по сторонам, но его нигде нет.

Глава 18

Я прочесываю близлежащие улицы, припускаю в нескольких направлениях, но «парня в неоновых тапках» доискаться не могу. Взмокшая от дополнительной нагрузки и быстро прибывающего зноя, я ищу того бегуна с прежним энтузиазмом, но возможность уже упущена. Расстроенная своей неудачей, я держу путь домой, когда мне звонит Чак.

Подношу трубку к уху, а сама все оглядываюсь по сторонам в поисках бегуна, сумевшего проникнуть мне под кожу не хуже Поэта. Возможно, потому, что он и есть Поэт.

– Что-нибудь есть? – машинально спрашиваю я.

– Джесси Роу – финансовый аналитик, недавно устроился на работу в нескольких кварталах от кофейни, – сообщает мне Чак. – Сюда переехал из Теннесси два года назад. Ничем особым не выделяется. Приводов и задержаний нет. Хобби – кошки. Есть пара питомцев, с которыми он участвует в конкурсах и даже входит в жюри какой-то кошачьей организации. Серийщики, наверное, любители убивать кошек?

– У меня бы ни одна не уцелела, – сухо говорю я, подмечая, что женщины рядом на скамейке больше нет, а голуби все по-прежнему снуют. – Нет, не наш это парень.

Я уже думаю о записях дорожных камер, которые могли бы дать картинку того, что всполошило меня сегодня утром. Но если сейчас сказать об этом Чаку, то всполошится Лэнг и примчится напрямик ко мне за выяснениями, а оно мне надо? А вот что надо, так это принять душ и подумать, пока он еще не околачивается в моей квартире.

– Я скоро буду, но сразу звони, если появится еще что-нибудь.

На этом мы заканчиваем, и я в последний раз окидываю взглядом улицу, прежде чем смириться с поражением и возобновить свою прогулку домой.

Не успеваю я подняться до половины своего лестничного пролета, как слышу знакомое хриловатое бельканто, кричащее на меня сверху:

– Детектив Джаз!

Я останавливаюсь и поднимаю взгляд на следующий этаж, где, перегнувшись сторбленными плечами через перила, маячит Старушка Кроуфорд в своем тропическом халате (фее-рическая смесь оранжевого и желтого).

– Для вас Сэм, – поправляю я. – Мне так, знаете ли, приятней.

– А мне приятней детектив Джаз!

Я хмурюсь. Вот так у нас всегда, с этой эксцентричной особой: для себя я «Сэм», для нее «детектив Джаз» – куда деваться? Остается просто плыть по течению. Или у нее какая-то проблема, и это для нее способ сказать, что ей нужны услуги детектива? Она ведь и в самом деле выполняет возложенную на себя обязанность «подъездной мамы».

– У вас всё в порядке?

– Что там за мужчина топтался у вас под дверью прошлой ночью? У меня все нервы на взводе. Вы выставили вашего нового бойфренда или что-нибудь в этом роде?

Волоски на руках у меня опять вздыбливаются.

– Какой такой мужчина?

– Кому, как не вам, об этом знать, милочка? – ехидно укалывает Старушка Кроуфорд. – Он же был у вашей двери.

– Как он выглядел?

– Здравствуйте! Откуда мне знать? Это *вы* должны знать!

– Я не знаю, миссис Кроуфорд, – отвечаю я спокойно, но твердо. – Как он выглядел?

– Лицо я не разобрала – на нем была бейсболка, да еще сверху капюшон. Козырек все закрывал. И капюшон был надвинут.

– Какого примерно роста?

Она тянется высоко над головой.

– Высокий. Вот такущий.

Конечно, при ее полутора метрах высоким покажется кто угодно. А то и меньше, если измерить.

– Волосы?

– Так ведь он был под капюшоном.

– Одежда?

– Весь в черном. Как вы туго соображаете! – В ее голосе сквозит раздражение. – Теперь хоть разобрались, кто это?

По всей видимости, убийца. Известно, что иногда ложь – самое доброе, что можно сказать. Сейчас как раз один из таких моментов.

– Один из моих коллег-детективов, – вру я ей. А что еще остается делать, не страх же нагонять. – Я его взгрею за то, что он вас напугал. Я ведь даже не слышала, как он стучался... Телевизор, видимо, был на всю катушку. – Адреналин во мне бурлит, взъерошивая нервы. – Ой, пора в душ после пробежки, – говорю я, стараясь, чтобы голос звучал легко и непринужденно. – Спасибо, миссис Кроуфорд.

Взбегаю по лестнице, открываю дверь и вхожу к себе в квартиру. Запираю дверь и падаю на нее спиной.

Сомнений в себе у меня больше нет.

Я ощущала его присутствие. Знала, что он здесь. И он здесь был.

Поэт, собственной персоной.

Глава 19

Сегодня утром я в своих неоново-зеленых кроссовках пробежал прямо мимо нее. Она высматривала меня, и она меня знает – знает мое лицо, – но просто не готова была меня *увидеть*. Хотя и поняла. Она меня почувствовала, как ей и полагалось. Я – ее учитель, ее наставник. Она готова к тому, чтобы ее подтолкнули; готова понять. На каком-то уровне она уже сознает свой долг. Сегодня утром она проявила себя хорошо. Разоблачила насильника, с которым нужно разобраться. И я вознагражу ее, положив конец его греховности.

А пока я в пригороде, паркую наш семейный автомобиль в гараже и выхожу в тот самый момент, когда жена открывает дверь в дом и протягивает мне чашку кофе. Жена души во мне не чает. Ни во мне, ни в наших детях. Мы действительно идеальная семья, как и задумано. Я с благодарностью принимаю чашку.

– Спасибо, дорогая. Очень кстати.

Она дарит мне улыбку и задирает подбородок, доверчиво подставляя губы, которые я встречаю своими. Счастливая жена, счастливая жизнь... Я направляюсь в дом и встаю за кухонной столешницей, где мальчики рассказывают мне о блинчиках, которые только что приготовила мама. Я исправно играю свою роль отца, мужа и кормильца. Спектакль, необходимый для того, чтобы следовать своему *истинному* предназначению.

Глава 20

Я отталкиваюсь от двери, достаю свое запасное оружие из углового столика, где храню ключи, и совершаю обмен: ключи отправляются в ящик, а пистолет кладется на стол. Затем набираю Чака.

– Нужна любая запись с камер на моей улице. Все, что ты можешь для меня достать.

– Э-э... как? – Чак слегка растерян, но ненадолго. – С твоей улицы?

– Да. Запиши адрес.

– Да я и сам могу найти, но...

Я все равно надиктовываю адрес.

– Пускай Луиза – новая стажерка, которую нам дали на той неделе – соберет у мелких фирм записи с их камер видеонаблюдения. Передай ей, что я поставила ее работать к тебе. Нужно, чтобы у тебя был свой ресурс. Особый упор на кофейню «Брю» – она наш главный приоритет. Достань мне оттуда запись, а также всех, кто входит туда и в мой подъезд.

– Понял. Кофейня «Брю» и твой подъезд... Ты в опасности?

– Я в порядке. Просто охочусь на монстров. – В своем тоне я улавливаю резкость, которой он не заслуживает. – Извини, Чак. Я правда в порядке, – повторяю, опустив голос на ступеньку ниже своих нервов. – Спасибо, что поинтересовался. Говорю сжато просто потому, что ситуация очень... чувствительная.

– Хорошо, ладно. Я здесь. Занимаюсь.

– Спасибо, Чак. Шоколада нам обоим теперь полагается тонна. Ну все, мне пора.

Я отключаюсь и набираю номер моей жилищной конторы.

Трубку берет Табита, менеджер с незапамятных времен, и со своей знаменитой гнусавинкой нараспев тянет:

– Меня зовут Табита. Чем могу помочь?

– Табита, это Саманта Джаз. Та, которая *детектив*. Мне нужны записи камер со всех углов дома и внутри него за прошлую ночь. Лучше, если вообще со всех ближних домов. Прямо сейчас, без проволочек.

– Гм. Мне... Надо будет, наверное, выяснить насчет разрешения...

– Речь идет о безопасности жильцов. Помогите мне их защитить.

– О боже... Да. – Судя по голосу, ее пробирает волнение. – Да-да, я, конечно же, их дам.

Только один быстрый звонок. Когда вам все это нужно?

– Сейчас, – повторяю я. – Я заеду в течение часа и заберу их.

– Так быстро? Я не...

– Договорите, когда я приеду.

Я вешаю трубку, и мне не остается другого выбора, кроме как снова обыскать свою квартиру. После того, что я только что узнала, не обыскать ее я не могу. При этом ненавижу себя за то, что Поэт так властно контролирует меня и мои действия – прямо сейчас, в эти минуты. Это нужно пресечь. Он хочет поиграть. Что ж, давай поиграем, но это должна быть моя игра, на моих условиях. Он не контролирует происходящее.

Его контролирую я.

Глава 21

Даже после того как подтверждается, что Поэта в моей квартире не было, я чувствую, как его зло незримо давит вокруг меня на стены, подвергая их разрушению.

Направляюсь в ванную, где кладу на раковину оружие и значок. Оружие мне для того, чтобы защитить себя. Значок должен напоминать, что убивать его не нужно, если его можно арестовать. В душевой кабине я разворачиваюсь и передумываю. Иду обратно и засовываю значок в ящик стола. Если преследователь войдет в мой дом, я его убью не понарошку.

От этой мысли мне легче. Я торопливо принимаю душ, стремясь поскорей приступить к работе. Вскоре я уже перед зеркалом, одетая в брючки (сегодня черные), в паре с подходящим блейзером и розовой шелковой блузкой. Розовый цвет выбран неспроста. Я тянусь к волосам, чтобы увязать их на затылке, но, подумав, опускаю их на плечи. Я хочу, чтобы меня недооценивали, потому что сегодня я женщина. «Ну пожалуйста. Недооцените меня». Для кого-то это станет ошибкой.

На грудь я цепляю свой значок, а на бедро – табельное оружие, которое, в отличие от отца, никогда меня не подводило.

В нетерпении поскорее сделать то, что нужно, и ехать в кампус, я спешу в спальню и, плюхнувшись там на прикроватный пуфик, открываю свой «Макбук». Свежим взглядом быстро пробегаю материал, подготовленный накануне для Уэйда, и нажимаю «отправить» (вот бы хорошо поскорей получить от него обещанный отчет).

Я как раз вешаю на плечо сумку с документами, когда в дверь раздается стук. Наверное, Табита решила опередить меня. Я торопливо спускаюсь из спальни и иду через жилую зону.

Мне хотя и не верится, что Поэт стал бы стучать в дверь и ждать приглашения, но осторожность не помешает. Напряженной походкой и с оружием наготове я приближаюсь к двери и спрашиваю:

– Кто там?

– Серый волк зубами щелк, – доносится из подъезда. При звуке Лэнгова голоса напряжение с меня спадает, и я открываю дверь.

Лэнг небрит, глаза у него красноваты, а одет он, кажется, в те же джинсы и футболку, что и вчера. Похоже, вчерашний зов плоти все-таки состоялся и длился всю ночь.

– Ты что-то имеешь мне сказать? – требует он уже с порога.

– А Чак тебе не звонил?

– Звонил, черт возьми.

Он врывается в дверь, а я отступаю, давая ему пространство – и себе тоже.

Захожу в кухонную зону – стильную, с просторным островом из синевато-мраморной плитки. Кастрюли и сковородки свисают над ним с красивого серебристого крепления. Ко всей этой утвари я не прикасалась с тех пор, как моя мать семь лет назад ее сюда подвесила. Хотя все здесь празднично начищено – не мной, а теми, кто приходит прибираться.

Из холодильника я достаю баночку протеинового коктейля и бросаю ее Лэнгу, когда тот подходит к моему острову.

– На, глотай. У тебя на лбу написано, что ночка удалась.

Он не отказывается и довольно рычит (сушнячок, стало быть).

Еще один коктейль я беру себе и перехожу на противоположную сторону острова, удивившись, что между мной и Лэнгом достаточно мрамора. А если что, то и несколько сковородок под рукой. Возможно, мама организовывала подвеску с учетом этого.

– Надеюсь, тебе, чтобы улизнуть, не пришлось распутывать ей ноги у себя на талии? – спрашиваю я с нежно-развратной улыбкой, делая при этом глоток.

Замысел в том, чтобы этим выпадом перенаправить его внимание в нужное мне русло: куда угодно, кроме меня. Но Лэнг есть Лэнг, и знает мои подколки и ходы.

– Скажешь, я был не прав? – насаждает он. – У него в привычке охотиться за детективами, которые охотятся за ним.

Я бросаю свой коктейль, опираюсь руками о края острова и высказываю то, что у меня на уме уже в пределах часа:

– Сдается мне, что хороших вестей насчет Робертса мы уже не получим.

Лэнг кривится гримасой и смотрит вверх, после чего устремляет на меня свирепый взгляд. Чувствуется, что в нем кипит гнев, направленный, впрочем, не на меня. Речь о том, что в этой борьбе верх одерживает не та сторона. Что мы теряем хорошего человека и сослуживца.

– Что произошло?

– Сегодня после пробежки у меня возникло одно из тех ощущений – ну ты знаешь... Как раз на входе в кофейню. Словно он был там. Я его буквально *чувствовала*, Итан. Даже не могу объяснить. То же самое и в книжном магазине. Нечто знакомое. Как будто...

Я осекаюсь из опасения накрутить его еще больше, чем сейчас следовало бы.

– В той кофейне я задержалась. Сняла на видео всех, кто там был. Поговорила даже с одним персонажем, который привлек мое внимание. Вот насколько интенсивным было то чувство.

– И что персонаж?

– Не из тех, кто нам нужен. Кошатник, даже какие-то их конкурсы судит... Но настоящая проблема даже не в этом. Когда я вернулась в дом, Старушка Кроуфорд – наша старшая по подъезду – спросила, что там за мужик в кепке и худи топтался у меня под дверью этой ночью.

Сдавленно ругнувшись, Лэнг одной рукой скребет себе щетину, а другой постукивает по столешнице.

– Он пас тебя от дома.

– Можно предположить и такое.

Я останавливаюсь, потому что, честно говоря, толком не знаю, как мне в этой связи себя ощущать. Я человек. Детектив. Дочь убитого недавно отца, который тоже был копом. Ясно только, что я хочу сосредоточиться и работать над этим делом.

– Я позвонила в свою жилищную контору и попросила их подогнать записи с камер наблюдения.

– И что? – запальчиво спрашивает он. – Это все, что ты собираешься сказать мне, Джаз?

– А что я должна сказать, Лэнг? – встречно распаляюсь я. – Что я, по-твоему, должна сказать?

– Что до тебя *доходит*! Что ты видишь, чем это все пахнет. Если он убивает детективов, которые за ним охотятся, следующей можешь оказаться *ты*!

– Или ты, с таким же успехом.

Своей запальчивости я наступаю на горло. Мне нужно работать. Просто работать, и все.

– Между прочим, – говорю я, берясь за мобильник, – я отправила Уэйду материалы дела, чтобы он выслал мне профиль и отчет по поиску серийщиков. Надо уточнить, чтобы он фокусировался на делах, где работавшие над делом детективы оказывались мертвы.

Я пишу Уэйду, осмотрительно, чтобы не спровоцировать какие-либо личные триггеры: «*На вс. случай, из-за ситуации с Робертсом проверь дела, где исчезали детективы*».

Сообщение ушло. Я убираю трубку обратно в карман и обнаруживаю, что Лэнг пристально на меня смотрит.

– Ты ведь не собираешься это оглашать?

– Лэнг, я просто делаю свою работу. Что я еще могу?

– Нам нужно поговорить с капитаном.

– Не хватало еще из-за его бурной реакции упустить этого типа, – говорю я. – Давай пока дождемся, что скажет Уэйд. Чак сейчас фильтрует кадры с уличных камер, а я еду в жилищную контору за картинками моего дома, а оттуда – в университетский кампус. Хочу лично отследить, что там у них за поэтический клуб.

– Я тоже в этом деле. И решения ты принимаешь не одна. Мы с тобой должны согласовывать каждый шаг маршрута. Так что в контору едем вместе. А оттуда я отвезу тебя в кампус.

Я, собственно, не упорствую. Зачем? У меня нет цели иной, кроме как изловить Поэта прежде, чем он совершит новое убийство.

Глава 22

Табита, смазливая блондинка, разодетая как «барби» с Пятой авеню, вскакивает, едва мы входим в тесноватый офис. При виде Лэнга ее глаза расширяются (в этом кукольном домике он смотрится поистине огромным; ну просто альфа-самец на выгуле). Но на гостя она взирает не испуганной ланью, а хищной киской, готовой дать волю своему соблазнительно лижущему язычку (ну просто отвратно). Наш «альфа» уже два дня как не принимал душ, а эта бабочка хлопает покрытыми тушью ресницами и поедает его глазами.

– Привет, – воркует она.

– Приветулъки, – играет Лэнг бархатистым тоном Казановы; мне же при виде этого пошлого флирта остается лишь закатыть глаза.

– Мы за записями с камер наблюдения, – объявляю я и, не в силах ничего с собой поделать, задаю вопрос: – У вас так принято, флиртовать с бойфрендами жильцов?

Щеки Табиты мучительно краснеют.

– Да вы что... Прошу извинить.

– Бог ты мой, Джаз, ну зачем, – виновато упрекает Лэнг.

Не знаю, кому как, а мне это мелкое сведение счетов нравится.

– Записи с камер, – язвительно повторяю я. – Мы пришли за ними.

– Техники скоро приступают к работе, – испуганно заверяет Табита. – И мне правда очень жаль. Я бы никогда...

– Он мне как старший брат, – утешаю ее я. – Берите его. Кушайте на здоровье. Только напомните ему принять душ, чтобы остальные не начали чесаться. Команду техподдержки нам ждать не с руки. Могу я получить доступ к каналу отсюда, из вашего офиса?

Табита озадаченно моргает.

– Вообще-то да, – говорит она, глядя куда-то между нами. – У нас в задней комнате есть кабинка, только я не знаю, как с ней управляться.

– Ничего, мы сами справимся, – говорит Лэнг, голос которого теперь тоже звучит резко-вато. – Отведите нас туда.

– Да, конечно, – поспешно соглашается она, вставая и жестом приглашая идти следом.

Мы так и поступаем. Идем следом, как бравые солдатики, при этом Лэнг бросает на меня взгляды, способные заморозить лед в холодильнике. А так все тихо-мирно. Я улыбаюсь. Он – нет. Мы в самом деле хорошие друзья. Пускай и не все о нас это знают.

Нам предложено пройти в каморку, больше похожую на стенной шкаф; Лэнг садится за компьютер и включает экран. Я подаюсь ближе, нависая над его плечом, а Табита маячит у двери.

– Картинка входа в твой коридор не подается, – сообщает Лэнг.

– Он как будто знал, тебе не кажется?

Напарник резко кивает.

– Именно об этом я и подумал... Ладно, проверим здание и парковку. – Он поднимает на меня взгляд. – Какие мысли насчет временного промежутка?

– Домой я вернулась часов в девять, но, по словам миссис Кроуфорд, у моей двери он торчал довольно долго.

Он вводит метку времени, а затем начинает пролистывать кадры. Ощущение такое, что это будет продолжаться вечно. В итоге я теряю терпение, хватаю стул и устраиваюсь рядом с ним. В полуночном часу что-то появляется: мужчина в худи с капюшоном, идущий к моему подъезду. Вот он открывает дверь и, не поднимая головы, заходит внутрь. Я бросаю взгляд на Табиту, которая по-прежнему стоит в проеме.

– У нас на всех подъездах кодовые замки.

Поджав губы, та переступает на своих высоченных красных шпильках.

– Я знаю. Миссис Кроуфорд сегодня утром высказывала мне то же самое, на повышенных тонах.

– Обыскиваю парковку, – докладывает Лэнг, цепко отсматривая череду кадров. – Не могу найти, откуда он пришел. – Поднимает на меня взгляд. – Очень похоже, что у него были какие-то инсайдерские сведения о вашей системе безопасности.

Не терзая Табиту расспросами, я отвергаю эту мысль:

– Пока я не заняла место Робертса, он вообще не знал о моем существовании. Все произошло как-то случайно.

– Ну да, – мрачно бросает Лэнг. И лишь после того, как мы пристально смотрим друг другу в глаза, добавляет: – Если только верить в случайности.

Глава 23

По выходе из конторы я сразу же пытаюсь предотвратить взрыв, который, я знаю, неминуемо грянет.

– Чак по моей просьбе уже ищет связь между Робертсом, моим отцом и этим делом.

– Что ты знаешь такого, чего не знаю я? Выкладывай. Я не собираюсь играть с тобой в эти гребаные игры, Джаз.

– Игры? Я в них не играю. И нет ничего такого, чего бы ты не знал. Абсолютно.

– Однако этим утром ты позвонила Чаку, а не мне?

– Потому что я знала, что ты взбесишься, а мне нужно было поразмыслить, а не кидаться в драку.

– Чего я не знаю, Джаз? – повторяет Лэнг.

– Кроме моих теорий?

– Рассказывай, – велит он.

– Из-за резкого отъезда Робертса ты спросил меня о его дружбе с моим отцом. А Робертс связан с этим делом. Если Поэт знает меня...

– Поэт, – произносит Лэнг задумчиво. – Черт, звучит красиво... Может, мы сумеем превратить его в Мертвого Поэта. Кажется, есть такая книга или что-то в этом роде?

– Есть такой фильм, «Общество мертвых поэтов». – Я возвращаюсь к тому, что говорила. – Если Поэт знает обо мне, то логично искать увязку с моим отцом. Я попросила Чака поискать связь со всеми нами.

– Иначе говоря, это не случайный серийный убийца. А кто-то, горящий ненавистью к твоему отцу.

– Который мертв. – Слова режут по живому, но я продолжаю: – Все это как-то не бьется, и я на самом деле не думаю, что причина в этом, но все равно приходится учитывать.

– Так оно или нет, но он знает тебя и систему безопасности в вашем доме.

– Я это вижу.

Лэнг стягивает губы в полосу.

– У меня есть еще ряд вопросов к Табите.

На этом он вылезает из-за стола и шагает обратно в офис. Мне с ним не по пути. Он вытянет из нее больше, чем я.

Пока Лэнг не вернулся, я набираю Чака. Тот берет трубку на первом же гудке.

– Джаз?

В его голосе сквозит такое облегчение, будто моя мать обзвонила весь участок и заверила всех, что ее доченька под неусыпным надзором мамы, и будь прокляты эти ее значок и пистолет.

– Все в порядке?

– Так же как и всегда, когда я с Лэнгом.

Чак смеется:

– А что, персонаж крупный.

Дипломатичный способ сказать, что Лэнг, когда он присутствует, переполняет собой любое помещение. Так оно и есть, но, по моему мнению, это не всегда так уж плохо.

– Есть какие-то подвиги с камерами?

– Кое-что собрали. Задействовали все общедоступные каналы и покрыли существенную часть бизнесов в вашем районе, включая кофейню. Думаю сейчас начать просмотр. Кого нужно искать?

– Человека, который, вероятно, следит за мной.

– Ого. Следит за *тобой*?

– Именно.

Распространяться особо не хочется, но он должен знать все по максимуму, иначе такой просмотр нельзя будет назвать эффективным. И я даю ему полный отчет о минувшей ночи, в том числе и наблюдения Старушки Кроуфорд.

– Что-то сейчас говорить преждевременно, но я все равно буду докладывать. Я за тебя переживаю. И не волнуйся, если он есть, я его на съемке найду. Никуда не денется.

Вот бы надеяться, что так оно и будет.

– А о поэтическом клубе что-нибудь есть?

– Да, представь себе. Он уже отдал концы, но кое-что я нашел. Думаю, тебе будет интересно послушать. В университете Остина есть профессор, который работает на факультете уголовного правосудия. Он и под наше описание подходит, и вообще все вырисовывается.

– Вот и я все время пекусь, чтобы вырисовывалось.

– Два года назад, – продолжает Чак, – когда он преподавал в университете Сан-Антонио, всего один семестр, у него на кафедре был учебный курс «Абстрактная поэзия и криминология». Низкий набор слушателей отправил тот курс на кладбище. Отправляю тебе имя этого деятеля, а также текущее расписание, ссылку на страницу его факультета и описание того самого курса. Сейчас, минутку...

– Чак, я тебя обожаю! Если это наш парень, клянусь, обеспечу тебе ежемесячное снабжение чертовым шоколадом по гроб жизни.

После разговора я немедленно загружаю присланный Чаком текст. Профессора зовут Ньюман Смит, прилагается и фото. Высокий, темноволосый, комплекция средняя, но зато зеленые глаза пронзают тебя насквозь. Они источают зло.

Из кабинета приходит Лэнг.

– Табита отправляет Чаку список всех и каждого из кабельщиков, ремонтников и электриков, которые только могли иметь доступ в дом.

– А у нас тут появился новый объект для интереса, – сообщаю я. – Целый профессор университета. Прямо здесь, под боком.

Лэнг потирает руки.

– Вот это дело... Так чего мы здесь торчим?

– Поехали.

Мы направляемся к стоянке, и по дороге Лэнг говорит:

– Надо будет ввести капитана в курс происходящего. Ты как думаешь?

– В принципе не возражаю, но прямо сейчас время обходится в цену жизни. Мне нужно делать работу, а не защищать свои методы.

– Я позвоню шефу и дам ему знать, что вечером нам будет нужно с ним поговорить.

Останавливаюсь и встряхиваю перед ним зажатый в руке телефоном.

– Не звони пока. Он не верит, что Робертс пропал. В противном случае у нас должны быть какие-то доказательства.

– Какие, по-твоему?

– Ну, скажем, найти на записях Поэта, как он следит за мной. Кажется, для начала неплохо.

Какое-то время мы стоим, воззрившись друг на друга, а затем Лэнг молча уступает. Мы идем дальше.

Как только садимся в его «Мустанг», тот взрывается, обдавая нас жарой вместо прохлады. Лэнг бросает на меня один из своих стальных взглядов.

– Значит, я тебе как брат?

– Ты меня реально выбесил, так что да. Брат.

– Хм... – Лэнг фыркает. – Зато какой красивый. Самый-самый брат на всей планете.

Он пробует сгладить напряжение и как-нибудь меня рассмешить. Я не против, но как-то не до смеха. Тычу пальцем в его сторону:

– Гуляй с кем хочешь, только подальше от моего дома.

– Вот черт... А я хотел прямо здесь.

Шутка получается провальная. Учítывая вчерашний визит Поэта, Лэнг был не единственным, кто к этому стремился. Воздух вокруг сгущается.

Глава 24

По дороге в кампус я читаю материалы Чака о Ньюмане.

– Зовут Ньюман Смит, второго имени нет.

– Вот черт... Любой, у кого нет второго имени, – однозначно серийщик.

Я даже не интересуюсь логикой такого утверждения. Ограничиваюсь лишь косым взглядом типа «санитары, сюда» и продолжаю чтение.

– Гляди-ка: преподаватель уголовного правосудия со степенью магистра судебной медицины. Этим можно объяснить чистоту на месте преступления.

– Я думал, мы ищем поэта...

– Два года назад преподавал курс «Абстрактная поэзия и криминология». Среди обсуждаемых тем: «Поэзия: слова, направленные в душу серийного убийцы» и «Как поэзия соединяет нас с разумом убийц». Или вот, – я поднимаю палец, – еще теплее: «Поэзия как смерть посредством слов». Как тебе темка?

– Заняться им нечем, – бурчит Лэнг. – Ломать голову почему зря, пытаюсь понять, что означает препарированное стихотворение...

Его комментарий заставляет задуматься. Бариста Дэйв поэзию терпеть не может. Лэнг тоже. А вот Саммер ее явно любил. Устраивал в своем театрике чтения. Я поэзию тоже люблю. Может, Поэт на самом деле ее ни во что не ставит? А просто использует, чтобы посмеяться над ее истовыми поклонниками?

Бросаю взгляд на Лэнга:

– Как ты думаешь, Робертс любил поэзию?

Тот фыркает.

– Если да, я был бы потрясен. Он был любителем пива, бекона и футбола.

– А есть кто-нибудь, кого мы можем об этом расспросить?

– Наверное, его бывшая жена.

– Позвони ей?

– Позвонить? В принципе, мне все равно предстоит с ней разговор о ее бывшем, но я предпочел бы сделать это очно.

– А ты просто набери ее сейчас и спроси, нравится ли ему поэзия. Нам надо знать.

– Хорошо. Номера у меня нет, но я могу его добыть.

На светофоре Лэнг, пользуясь моментом, делает несколько звонков, благодаря которым наконец выходит на бывшую жену Робертса.

– Сюзи? – здороваются он, а сам беззвучно выговаривает губами: «Это она». – Мы тут поспорили, надеюсь выиграть. Скажи, Робертс любит поэзию?

Общение длится считанные секунды. После этого Лэнг косится на меня и с укоризной говорит:

– Она рассмеялась. Не потрудилась даже отвечать.

– Как долго они были женаты? – интересуюсь я.

Лэнг взвешивает вопрос и отвечает:

– Двенадцать лет.

Вполне себе долго.

– А развелись почему?

Напарник смотрит хмуро, и я хмрюсь в ответ.

– Спроси у нее. – Секунду-другую помолчав, он оборачивается ко мне: – Он изменился. Все время пропадал по работе, а когда бывал дома, то сидел бирюком, и вообще с ним трудно было уживаться.

Бирюк, трудно уживаться... По крайней мере, это не соответствует холодному, спокойному расчету, которого я ожидала бы от Поэта. И не любит поэзию... Во всяком случае, так считает его бывшая жена. Приняв это как данность (другого-то выбора нет), мой разум мечется с этой новой информацией: Робертс не любил поэзию. Если Поэт действительно убил и Саммера, и Робертса, то он умертвил и любителя поэзии, и того, кто ее ненавидел. Спрашивается: что я упускаю?

Глава 25

Прибываем в кампус, когда Ньюман все еще ведет занятие.

За двадцать минут до окончания мы с Лэнгом входим в просторную аудиторию – с верхнего уровня, где освещение тусклое, а студенты сидят далеко внизу. Удобно устраиваемся в полумраке, где вместе продолжаем подпирать стену. Командная работа. Иногда у нас это получается.

Ньюман ожидаемо высокий и подтянутый (по данным Чака, ему сорок два года), с заметной слабостью к галстукам-бабочкам. Сейчас он стоит по центру подиума, рассуждая о брызгах крови.

– Вот скажем, вы задумали перехитрить правоохранителей, – ставит он вопрос перед своей аудиторией. – Могли бы вы повлиять на брызги крови на месте преступления так, чтобы сбить со следа криминалистов?

Ответ, я полагаю, положительный: в самом деле, существуют способы, которыми матерый убийца может преднамеренно воздействовать на брызги крови. Но есть и более чистые способы избежать обнаружения. Например, *цианид*.

Студенты начинают делиться соображениями, а Лэнг подается ко мне и шепчет:

– А почему, например, не использовать тот же цианид?

От такой солидарности у меня непроизвольно кривятся губы.

– Пургу гонит – ну просто жуть, – добавляет Лэнг.

У него живописная манера изъясняться, но он в очередной раз доказал, что мы с ним единомышленники с первого взгляда. В Ньюмане есть что-то странное, слишком отутюжено-пригнанное, словно он целиком упакован в глухой костюм.

Я оглядываю десятки студентов, рассеянных по рядам сидений, – зрелище, напоминающее театр в книжном магазине Саммера. Студенты, вполне способные в будущем стать сотрудниками правоохранительных органов. А их обучает человек, который вполне может быть убийцей; хотя, с другой стороны, у убийцы есть чему поучиться. Есть причина, по которой я в свое время довольно подробно изучала их, и даже с ними общалась. На убийцу, которого не понимаешь, очень сложно охотиться и невозможно поймать.

А еще я усвоила, что нельзя полностью знать или безоговорочно доверять кому-либо. Ни супругу. Ни лучшему другу. Ни своему отцу. У каждого есть свои секреты: тайные фетиши, тайные любовники, тайные демоны. Мошенники, лжецы и убийцы ведут двойную жизнь. Я слишком много знаю, чтобы кому-то полностью доверять.

И сейчас, слушая в этой аудитории лекцию Ньюмана, я решаю, что он тоже знает чрезвычайно много. Во всяком случае, весьма немало для нашего блага. Конечно, он должен досконально разбираться в том, как оставлять место убийства безупречно чистым и без следов ДНК. Но является ли он тем знакомым мне злом, что исходит от Поэта? Это мы выясним с минуты на минуту.

Глава 26

Занятие заканчивается, и студенты бросаются к дверям аудитории с такой скоростью, будто рядом сработала пожарная сигнализация. Толпа разбухает тучей, а когда редет, в действие вступаем мы с Лэнгом – бок о бок спускаемся по лестнице, не глядя ни на кого, кроме мишени нашего интереса: Ньюмана Смита. Кто-то может подумать, что в предвкушении встречи со своим потенциальным преследователем я буду нервничать.

Ничего подобного.

Колебаний во мне нет. Нет и страха перед человеком, который, вероятно, мог меня преследовать. И тому есть веская причина. Мне просто легче смотреть в глаза убийцы, чем позволять ему следить за мной из тени. В тот момент, когда срываешь со своего противника маску, ты начинаешь понимать его – и побеждать.

Ньюман стоит у своей кафедры, перебирая бумаги, и, по-видимому, не обращает на наше приближение внимания, но я знаю, что это не так. Есть неприметные знаки, которые выдают его осведомленность. Застывшая, неподвижная спина. Не вполне естественный автоматизм движений. Еще один красноречивый признак – это то, что эту свою позу он сохраняет на протяжении всей нашей довольно продолжительной прогулки вниз и к нему. Все это говорит о том, что он защищает себя от наших испытующих взглядов, препятствуя возможности подробно изучить его черты и внутреннее смятение.

Мы как раз подходим к подиуму, когда он перекидывает через плечо ремень сумки и поворачивается в направлении выхода, вроде как собираясь уходить.

– Ньюман Смит? – окликаю я, вынуждая его остановиться.

Он приостанавливается вполоборота, словно отказываясь разворачиваться, но с видимой неохотой одолевает свое упрямство. Наконец опять выпрямляется за деревянной тумбой своей кафедры. Сейчас мы с Лэнгом находимся напротив, но именно на меня направлены острые зеленые глаза Ньюмана; они как будто наносят удар. В эти мгновения я ожидаю напора того самого зла. Это знакомое чувство я в себе даже приветствую, хотя проникнуться им нелегко. В нем есть что-то противоестественное, сродни примитивному мазохизму. У нормальных людей так быть не должно.

– Кто вы и что вам угодно? – глухим неприязненным тоном спрашивает он.

Если он меня и знает, узнавания в его глазах нет. Впрочем, это вполне может быть подготовленной, даже отрететированной, реакцией.

Я показываю свой значок.

– Детектив Саманта Джаз. А это, – я указываю на Лэнга, – детектив Лэнгфорд. Мы хотели бы задать вам несколько вопросов.

– Если это про ту вечеринку, в которой участвовали некоторые из моих студентов, я уже рассказал полиции все, что знаю.

– Это они четыре дня назад убили в книжном магазине человека? – жестким тоном спрашивает Лэнг. – Если так, то да, по этому поводу мы и пришли.

Лэнг верен себе. Хватать за грудки в образе плохого копа, в то время как я наблюдаю и разыгрываю из себя хорошего, в стратегически верный момент.

На скулах Ньюмана проступают пятна убедительного румянца.

– Как?.. Какой печальный оборот. – Он ставит свою сумку на пол. – Убийство? Я считал, они просто подвесили подростка голым у себя на кутеже.

– Подвесили голым, говорите? Похвально, – мрачно иронизирует Лэнг.

– Да нет же, нет. – Ньюман нервно взбрасывает руки. – Я не хочу никого защищать, но мальчик жив. Убийство – это совершенно иной уровень извращения.

Извращение. Это слово настораживает меня по причинам, которые я проанализирую позже.

– Я так понимаю, вы интересуетесь поэзией? – сменяю я ракурс.

Теперь он бледнеет.

– Простите, но своими вопросами вы стегаете, как хлыстом, так же бессистемно и намеренно сбивая с толку. О чем конкретно у нас разговор?

– Мы работаем над делом, где может потребоваться специалист в области поэзии, – говорю я. – Ваша кандидатура интересует нас в качестве возможного варианта.

Он прищуривается, вглядываясь в меня с колкими искорками раздражения в глазах.

– Я не попадусь на ваши уловки, детектив. С чем вы сюда пришли? Что вам на самом деле нужно?

– Вы сами это знаете, – парирую я, адресуя вопрос обратно: – Так *что* нам нужно?

– Очевидно, выяснение обстоятельств убийства в том книжном магазине. Так почему бы просто не заняться этим?

Ответа он не ждет, а достает из кармана свой мобильник.

– Назовите мне дату и время того убийства. Я предоставляю вам свое алиби. Оно подтверждается, и вы уходите заниматься своим прямым делом: искать настоящего убийцу.

– Четырнадцатого августа, – дает подсказку Лэнг. – Полный день. И ночь. Нам нужна каждая деталь.

Ньюман убирает телефон обратно в карман.

– Мне не нужно даже заглядывать в свой календарь. Четырнадцатого августа – день рождения моего сына. Весь этот день я провел в кругу семьи. И день, и всю ночь.

– Ваша жена может это подтвердить? – спрашиваю я.

– Ну а как же! – Его тон высокомерен и нетерпелив. – Что у вас еще?

Профессор смотрит на свои часы. Ого, «Ролекс»... Надо будет поинтересоваться размерами его зарплаты.

– Мне пора на занятие, – нетерпеливо говорит он.

Лэнг цинично фыркает.

– А нам – к покойнику, который опаздывает на свои похороны. Сколько лет вашему ребенку?

– Двенадцать. – Ньюман гримасничает. – При чем здесь это?

– Куда вы водили его праздновать дни рождения? – осведомляюсь я.

– Мы праздновали дома. Все, нам пора заканчивать.

Решительным движением он закидывает сумку на плечо, поворачивается и уходит.

Мои выводы: свои вопросы он задавал не так, как задавали бы большинство людей. Его не интересовало, кто был жертвой. Он не хотел знать, зачем мы явились к нему. Можно предположить, что ему это было безразлично. Он уже все знал наперед.

Глава 27

Детектив Джаз ищет ответы, которые могут дать только я; ответы, которые держит на ладони лишь ее Господин и Наставник.

Иначе зачем бы ее тянуло в кампус, где учеба ни в коем случае не воплощение монументальности? Она четко понимает динамику отношений учителя и ученика в игре, но еще не сознает, что студенты, которые бродят по кампусу, в действительности совершенно ни при чем и ни при чем. Она – единственная студентка, которая хоть сколько-нибудь при месте; ученик, которым был когда-то я и в известной степени пребуду таковым всегда по отношению к великим творениям.

Хотя к правде она не была готова. Не готова она к ней и сейчас, и мое терпение мало-помалу начинает истощаться. В своей спешке сдернуть покров тайны она игнорирует важные детали – ошибка, которую ни один из нас не может себе позволить. В ближайшем будущем я буду ожидать от нее большего. Она должна подняться выше. Должна учиться и усваивать уроки, которые я ей преподаю, а не рваться без ума туда, куда ей путь заказан.

После сегодняшнего дня ясно одно: она жаждет моего внимания. Она в нем нуждается. Ей нужно знать, что я не просто наблюдаю, а наблюдаю близко, и что обучение будет вознаграждено, а ошибки будут наказываться. Пришло время убедиться, что этот урок усвоен. Сегодня вечером она постигнет, что я совсем рядом. Она будет знать, что я за ней наблюдаю и прислушиваюсь к ее потребностям. Она узнает, что ее работой заправляю я.

А ее неудачи будут чреваты последствиями.

Глава 28

Наше любовое столкновение с Ньюманом мы с Лэнгом согласовываем по двум пунктам: а) мы с ним еще не закончили; и б) этот тип – высокомерный гондон. К тому времени, как мы усаживаемся в раскаленную машину, я выясняю информацию об имени и работе жены Ньюмана.

– Ньюман и Бекки Смит в браке десять лет. Двое детей, двенадцати и семи лет. Бекки сорок один год, она учительница начальных классов.

– Держу пари, с ней он тоже обращается как с грязью под подошвами, – бурчит Лэнг, заводя мотор.

Жарища стоит такая, что я обжигаю руку о сиденье (хорошо хоть, что на заднице трусики и брюки). Господь, ты должен любить Техас в августе.

– Лэнг, курс на Уэстлейк. Я хочу поймать ее на работе, подальше от Ньюмана и ее детей, если получится.

Набираю номер школы, надеюсь застать там Бекки, пока она еще не ушла. «Мустанг» взрывает мотором.

– В Уэстлейк двигаем через фастфуд.

Мой желудок одобрительно урчит, а вот звонок срывается.

– Занятия в школе теперь только со следующей недели. У нее сегодня выходной.

Я диктую ее домашний адрес по эсэмэске Чака. Лэнг тормозит у драйв-ина, где подают гамбургеры, и к тому времени, как наш заказ готов, кондиционер напускает в салон холодный воздух. От Чака поступает полное досье на Ньюмана, и со всеми этими благами мы выезжаем на хайвэй.

В промежутках между набиванием рта горячей картошкой фри (имею право, один раз на дню) я просматриваю материал и делюсь с Лэнгом основными фрагментами.

– Смотри-ка... Его отец был профессором в Браунсвилле, и знаешь что? Преподавал литературу.

– Был? – уточняет Лэнг, пока мы простаиваем в пробке. – Он что, *того*?

– Ага. – Я прихлебываю колу и от горьковатого привкуса морщу лицо. – Брр... Ненавижу диетическую. Все в этом городе как будто сели на диету, причем только по коле. Может девушка взять просто диетический «Спрайт», ну?

– От этой проблемы вас избавит только кола натуральная! – поднимая свою бутылочку, рекламным голосом вещает Лэнг.

– Ее я тоже ненавижу.

– Да ты с ума сошла.

– А ты нет? Мы – детективы убойного отдела. Нам это служба вменяет.

– Ты говоришь, как моя эта... С кем я по зову плоти.

– Вот так тебе и надо, – говорю я и возвращаюсь к нашей текущей теме: – Отец Ньюмана. Умер от сердечного приступа, когда тот еще ходил в школу. Мать тоже умерла. Упала и ударилась головой в своем собственном доме, когда Ньюману было двенадцать.

– Вот бы знать, это Ньюман или его папаша разбил ей башку?

– Однако вопрос, – подхватываю я его тон. – Ставлю на отца, который взрастил своего сына-убийцу. По итогам, Ньюман оказался в приемной семье.

Эсэмэсками я шлю Чаку несколько вопросов, одновременно доглатывая оставшийся кусочек бургера с цыпленком гриль. Следом – глоток отвратительной диетической колы, и я читаю дальше, пока не тычу пальцем в экран, оборачиваясь к Лэнгу.

– Слышишь? В той приемной семье одна из детей – девочка – жаловалась, что Ньюман издевается над ее собакой, а затем стал приставать к ней. Она сбежала, и больше ее никто не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.